

О детстве на Ордынке и Малой Никитской, о поступлении в КЮБЗ и опытах на домашних тараканах

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1498>

🗣️ 23 ноября 2012

Собеседник

Агаджанян Александр Карэнович

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 23 ноября 2012 и опубликована 11 ноября 2013.

Введение

Первая беседа посвящена истории выдающихся предков — семьям Ермоловых, Лисиновых, Агаджанянов. Рассказ изобилует подробностями быта старой Москвы, еще сохранявшейся в послевоенные годы в старых коммунальных квартирах. Александр Карэнович рассказывает о фронтовой биографии отца, о детстве на Ордынке и Малой Никитской, о поступлении в КЮБЗ, опытах на домашних тараканах, приобщении к природе и старых семейных историях.

Николай Александрович Формозов: Давайте начнем нашу беседу.

Александр Карэнович Агаджанян: Я готов. Знаете, мне близко ваше предложение. Думаю, очень важно понять, откуда мы идем. Не столько куда, так как «куда» — Господь расположит, а вот откуда мы идем, хотелось бы понять. Голова невольно делает какой-то анализ, который, как минимум, важен для представителей нашего поколения, которое уже, в сущности, сходит с исторической сцены развития отечественной науки, что греха таить.

Н.Ф.: Хотелось бы, чтобы ваше поколение подольше...

А.А.: Важно, что это было славное поколение, как мне кажется. Для этого есть ряд объективных факторов. Такое воспоминание и невольный, поэтому, анализ не бесполезен. И нужен не только нам, но пригодится кому-нибудь еще.

Н.Ф.: Какого вы года рождения?

А.А.: Я обязательно расскажу о себе. Забегая вперед, могу сказать: я довоенного производства, то есть родился в 1940 году. Детство мое детсадовское пришлось на эвакуацию в Куйбышеве, а учеба, соответственно, 48-й — 58-й годы (это возраст поколения) в Москве. Я бы с удовольствием поделился тем, как моя судьба и судьба моего поколения связаны с событиями в стране. Для меня это очень важно и, мне кажется, важно не только для меня персонально, а для всего поколения. Кто были наши родители, кто их родители были? И мне хотелось бы рассказать о своих предшествующих родных, не только родителей.

Н.Ф.: Обязательно.

А.А.: Все, кто меня знает, наверное, согласятся (это написано и на моем лице), что во мне заложено две линии, две природы, и каждая из них отложилась и сыграла свою роль в становлении моего облика. Как, думаю, в облике почти каждого из нас, поскольку такие полиморфные, политипические популяции характерны для современного человека. Тем более для России, которая была империей, и, в сущности, ею и остается, и где, отчасти (это ясно из моего рассказа), присутствует смешение в силу исторических и административных даже причин.

Сегодня хотелось бы рассказать о линии материнской, поскольку в ее истории отражаются судьбы целого пласта (я не люблю слово интеллигенция, но, видимо, никуда не деться) этой компоненты российского общества. История семьи довольно хорошо известна вглубь до начала XIX века.

О роде Ермоловых

Первый из моих предков, о котором есть исторические сведения, Алексей Семенович Ермолов. Он был крепостным скрипачом в помещичьем оркестре князей Волконских, то есть происходил из самого низкого сословия. Получив вольную, Алексей Семенович сохранил связь с театральной средой. Он служил в 1820-х годах в Московской императорской труппе помощником гардеробмейстера, то есть работал в костюмерном цехе. Всех своих детей, четырех сыновей и двух дочерей, он отдал обучаться сценическим искусствам в театральное училище при Московской императорской труппе, где дети жили и учились за казенный счет. Выучившись, они вернулись в родительский дом. Длительное время вся актерская семья Ермоловых жила в тесном подвале на окраине Москвы.

Вот что можно прочесть о двух сыновьях Алексея Семеновича. Один из братьев, Николай Алексеевич Ермолов (умер в 1886) стал драматическим артистом, но эта карьера у него не слишком задалась. Он пробовал себя на литературном поприще, сочинял пьесы, и некоторые из них были поставлены в театрах Московской императорской труппы, но зрителей не покорили. Николай Алексеевич переквалифицировался в суфлеры и поднялся в карьере до должности главного суфлера. Как я понимаю, это что-то вроде помощника режиссера. Его дочь Мария в 1862 году была определена в Московское

театральное училище при Московской императорской труппе. Хотя она первоначально поступила в балетный класс, балетом мало интересовалась, зато проявила недюжинный дар в драматическом искусстве и вошла в историю русского театра как великая драматическая актриса Мария Николаевна Ермолова (1853–1928).

Ее родная сестра, Анна Николаевна Ермолова, преподавала естествознание в 4-й женской гимназии Арсеньевой. Анна Николаевна была замужем за Всеволодом Петровичем Шереметьевским. Их родная дочь Ольга Всеволодовна — моя прямая бабушка. Я знаю ее только по фотографиям, так как она умерла в эвакуации в 1943 году, когда я был слишком мал и ее не запомнил. До войны Ольга Всеволодовна преподавала математику в Московском университете и имела научные статьи по математике. Моя мама показывала мне оттиск ее статьи в каком-то зарубежном издании. Сохранился даже счет, по которому Ольга Всеволодовна могла получить восемнадцать долларов за эту публикацию.

Другой сын «гардеробщика», Иван Алексеевич Ермолов, родной брат Н.А. Ермолова, в справочниках фигурирует как артист и педагог. После окончания Московского театрального училища И.А. Ермолов работал с 1850-го по 1882 год в Большом театре. Выступал в ведущих партиях романтического репертуара: Альберт («Жизель»), Джеймс («Сильфида»), рыбак («Дочь фараона»), Гренгуар («Эсмеральда»). Актерская выразительность сочеталась у Ермолова с высокой техникой танца. Классический танцовщик, он исполнял и характерные танцы, и мимические роли. Оставив сцену, в 1882-м — 1898 годах вел класс усовершенствования солистов балетной труппы театра. С 1880-го по 1898-й преподавал в Московском театральном училище. У него учились бальным танцам, в частности, дети московского купца С.В. Алексеева, в том числе и Костя Алексеев (впоследствии К.С. Станиславский).

Многие дети братьев Ермоловых получили университетское образование. Известно, что мамин дед, то есть отец моего деда, Борис Васильевич Ермолов, был юристом по образованию. Он в основном вел дела крупных сибирских купцов, и об этом, кстати, упоминает Кони в своих мемуарах. Он писал: «Ермолов Василий Николаевич, известный юрист на Москве того времени». Это, значит, вторая половина — последняя четверть XIX века. Он имел пятеро детей: Бориса Васильевича, Иннокентия Васильевича, Аллу Васильевну, Надежду Васильевну и Марию Васильевну. Я их всех хорошо знал, а старший из его детей, Борис Васильевич Ермолов, был мой родной дед.

Борис Васильевич Ермолов, хирург поликлиник Генштаба. 50-е годы

Что касается сестер моего деда и младшего брата Иннокентия, они, как минимум, имели гимназическое образование. Надежда, по-моему, кончила Высшие женские курсы. Мой дед, Борис Васильевич Ермолов, не пошел по стопам отца, не стал юристом. Он кончил медицинский факультет Московского университета и перед первой мировой войной женился. Это важно, я потом скажу, на ком. Он имел небольшую практику в Москве и квартиру, в которой потом жила семья (в том числе и я). Но сам он после революции оставил Москву и всю свою дальнейшую жизнь до начала Великой Отечественной войны работал земским врачом. Потом, поскольку земские больницы были все переведены в статус районных больниц, он работал в районных больницах. В том числе и в Талдомском районе, где его пути пересеклись с Михаилом Михайловичем Пришвиным и его сыном, Петром Михайловичем. Это важно для нашего рассказа — откуда взялся мой натурализм? Не от Пришвина, а от деда, потому что он был охотник, всегда имел собак и ружье. Ближе к 40-м годам он работал в Рукавишниковой больнице в шести километрах от села (тогда большого села) Крюково у Пятницкого шоссе. Его до 60-х годов XX столетия в Крюкове и окрестных селах: Андреевка, Брёхово и других хорошо помнили как врача. А больница эта и теперь существует.

Н.Ф.: Пятницкое шоссе — это какое?

А.А.: Пятницкое шоссе расположено между Ленинградским шоссе и Истринским водохранилищем. Оно начинается в Митино и идет на северо-запад по левому склону истринского водосбора.

Н.Ф.: Я просто не слышал этого названия.

А.А.: Это название мало кто слышал. Раньше Пятницкое шоссе было просто дорогой, мощёной булыжником. Летом, когда мы жили в Крюкове, дачи там снимали постоянно в 50-е годы, и совершали дальние походы, это были самые глухие места Подмоскovie — вдоль Пятницкого шоссе. Поросшие лесом. В шести километрах от Крюкова, на краю деревни Жилино стояла районная, бывшая земская, больница, в которой дед работал до войны.

Уже перед самой войной его перевели на Сходню, и он жил на Сходне, а работал в больнице, которая находится в Черной Грязи. Если вы едете по Ленинградскому шоссе из Москвы, то после знаменитых противотанковых ежей (памятника передовой 1941 года) перед Сходней ленинградка делает такой странный изгиб, огибая корпуса этой больницы. Я в ней в детстве даже лежал, когда скарлатиной болел, поздней осенью 1947 года. Эта больница знаменита тем, что была построена и организована в 60-е годы XIX века, когда на Москве свирепствовала холера. Тогда были назначены по каждому сектору вокруг Москвы свои ответственные за поддержание карантина. Сектор, который на Петербург был направлен, был доверен и поручен, ни много ни мало, Денису Давыдову, который к тому времени был в отставке генерал, но его честь и честность были несомненны. И он возглавил этот карантинный сектор.

Тогда купечество сбрасывалось, помещики сбрасывались, и были заложены основы той сети земских больниц (в том числе больницы в Черной Грязи), которую и сегодня можно наблюдать. Эти больницы были опорными пунктами сначала в борьбе с холерой, а потом просто играли роль медицинской сети, во всяком случае, в средней полосе России. И дед работал в этой больнице до начала войны. В войну его призвали, мобилизовали, и он возглавлял военный госпиталь в Москве. Это сыграло большую очень роль, потому что когда мой отец был ранен, он попал к нему. Но это отдельный разговор, мы сейчас не будем говорить ни об отце, ни о Великой Отечественной войне.

Во всех случаях дед был хирургом. После войны (еще нюанс интересный) он остался в строю и работал в поликлинике генштаба, которая расположена между Волхонкой, Бульварным кольцом и зданием генштаба. Там же в переулочке, на задворках Пушкинского музея, он и жил в маленькой комнатке двухэтажного флигеля с женой и двумя детьми (дочерью и сыном его жены Марии Федоровны). Мария Федоровна была его операционной сестрой и, дело обычное, их судьбы тесно переплелись во время войны.

Н.Ф.: Это тогда Пречистенка? Музей имени Пушкина или Пушкинский музей?

А.А.: Нет-нет. Пушкинский музей изящных искусств. Такой квадрат между Волхонкой, теперь храмом Христа Спасителя, Бульварным кольцом и генштабом. Там в переулочке (Большой Знаменский переулок) жил дед, там была поликлиника при генштабе, где он работал. Почему это интересно? Потому что как охотник и сотрудник генштаба, он имел право посещать и охотиться в лучших охотхозяйствах Подмоскovie.

Н.Ф.: Военных?

А.А.: Конечно, лучших военных.

” Это были охотхозяйства генштаба, и одно из них возглавлял Петр Михайлович Пришвин. Как раз Заболотское охотхозяйство, куда с дедом мы иногда ездили, он меня в качестве подружейной собаки брал.

Н.Ф.: Подружейной собаки — это как?

А.А.: Я был еще без ружья и ходил с дедом или за дедом, вместо собаки. Хотя у него была собака, спаниель, которого я таскал в рюкзаке. Спаниель меня очень за это любил и, когда уставал, начинал меня за коленку хватать. Но дед не разрешал его таскать во время охоты, а уже перед метро я его заталкивал в рюкзак.

А мы жили, в общем, недалеко — на Малой Никитской, так что контакт с дедом был довольно устойчивый.

Н.Ф.: Это дед со стороны матери?

А.А.: Да-да-да. Женился Борис Васильевич на своей кузине. Два же было брата, он был из семьи того, который суфлером работал, из этой линии Ермоловых. А его кузина была из линии Ермоловых-актеров.

Н.Ф.: Балетмейстеров?

А.А.: Ну, сильно сказано «балетмейстеров». Музыкальных. Одним из представителей этой линии была Мария Николаевна Ермолова.

Н.Ф.: Она к какой линии относилась?

А.А.: Вот к этой линии, к музыкальной. И ее родная сестра Анна Николаевна Ермолова приходится матерью моей бабушке Ольге Всеволодовне Ермоловой.

Н.Ф.: Как интересно!

А.А.: Более того, Ольга Всеволодовна, вернее, ее отец, носил фамилию Шереметьевский. Он не принадлежал к генетическому стволу Ермоловых, а происходил какими-то глубокими своим корнями от крепостных графа Шереметьева. Из них многие получили образование. К этому кусту производных от крепостных Шереметьева относится и Василий Алексеевич Ватагин, который не захотел брать... (многие, если не сохраняли деревенские фамилии, брали фамилию сюзерена), а Василий Алексеевич взял себе фамилию Ватагин.

Н.Ф.: Неужели он — первое поколение людей, наделенных фамилией Ватагин? Вряд ли. Наверное, отец его или какой-нибудь предок?

А.А.: Мне говорили, что сам Василий Алексеевич выбрал себе фамилию. Не буду спорить. Во всяком случае, он считался членом этой широкой семьи Шереметьевских. Он бывал часто у нас дома, очень любил мою маму. Всегда приходил на день ее рожденья, приносил свои работы, эскизы. Устраивал вечера показов и рассказов много лет регулярно. В 50-х — 60-х годах он уже преподавал в художественном училище, и у него была большая подборка рисунков для лекций. С такими папками рисунков он к нам и приходил. Моя мама пекла традиционные московские пироги: большие, круглые, на всю сковородку. Пироги с капустой, реже с мясом.

Теперь вот еще что интересно: отец Ермоловых был юрист, а Борис Васильевич, его сын, хирург, но любитель природы и всегда был с ружьем, с легавыми собаками, потому что, как человек небогатый, он не мог себе позволить держать гончих. Только одна из его родных сестер пошла по театральной линии — Преображенская. Обратите внимание, Преображенская. Она была жена профессора-хирурга Преображенского, с которого медик Булгаков потом написал в «Собачем сердце» своего Преображенского.

Н.Ф.: Они были знакомы с Булгаковым? Это точно?

А.А.: Не буду на этом настаивать. Я его не встречал, они еще до войны разошлись с Аллой Васильевной. По крайней мере, на традиционных собраниях ермоловской фамилии, куда все приходили, в том числе и Алла Васильевна, его я никогда не видел, лично с ним никогда не встречался. Но у Аллы Васильевны был сын, Юрий Борисович Преображенский, который родился до войны, молодым человеком встретил войну. Он был хирург, ушел на фронт, прошел фронт, и после войны стал отоларингологом очень крупным, именно операционным. Он делал операции тончайшие и возглавлял отделение отоларингологии в 5-й Градской больнице Москвы. А когда был организован институт Патриса Лумумбы, он возглавил там кафедру отоларингологии. Он тоже был рыбак, тоже был охотник, у него тоже был спаниель. Когда дед уже не мог ездить, я ездил с этим Юрой, он был мне как дядюшка или старший брат. Здесь довольно сложное соподчинение: двоюродный дядюшка? Но формальная номенклатура не важна, важно, что он меня брал и на рыбалку, и на охоту.

Н.Ф.: То есть у вас сохранилась большая такая семья, целый клан Ермоловых?

А.А.: Более того. Кроме Аллы Васильевны, которая как раз на улице Знаменка имела квартиру, которую этот наш художник теперь занимает...

Н.Ф.: Шилов?

А.А.: ...который пишет портреты в старинном стиле. Он теперь этот дом занял, напротив Ленинской библиотеки при спуске к Моховой. У меня к Ленинской библиотеке трепетное отношение, я там свои лучшие часы проводил, в детском зале. А напротив дом моего двоюродного дядюшки. Вот там жила Алла Васильевна со своим мужем, потом жил Юрий, ее сын, со своей женой. Там родилась дочь их дочь Ирина, которая и теперь жива-здоровая, стала педиатром. Уже есть внук Юра, который в честь отца Юрия Борисовича был назван. Общение с этими людьми сыграло большую роль для меня.

Остальные сестры, Надежда и Мария, жили в той же квартире, где и мы жили. Там жили шесть семей. У Надежды был сын моложе Юрия Преображенского, родился перед войной, в армию пошел уже после войны. Он тоже был Юрий и сохранял фамилию матери Надежды Ермоловой — Ермолов. Он тоже меня очень много таскал по всяким рыбалкам. Он спиннингом преимущественно рыбачил, но имел и ружье.

Так что, с одной стороны, я с детства обожал всяких воробьят, лягушек всяких, которых находил в песочнице, пытался лелеять сорочат (тогда еще в Москве весной они появлялись). А с другой стороны, уже лет с двенадцати сначала дед, а потом уже его племянники Юрий большой (Преображенский) и Юрий молодой (Ермолов) брали меня на рыбалку и охоту, и я приобщался к ночным походам по Подмоскovie.

Агаджанян Карэн Оникович. 1950-60-е годы

Тогда же ведь было лишь одно воскресенье. Значит, надо было в ночь выехать в какое-нибудь Шаликово, или Омутищи, или в Берёзки, или на Московское море. Иногда в кузове грузовой машины, часто зимой. Потом ночью топтать по дороге, иногда пятнадцать, двадцать километров до назначенного места: реки, водохранилища или какого-то лесного массива, где встречали зарю и забрасывали первые удочки. Первое ружье купил мне дед, когда мне было четырнадцать лет. Тогда не надо было никаких документов, он просто пошел в магазин и купил мне замечательную ижевскую одностволку (у нее был прекрасный бой). Первый выстрел я делал под его руководством, под руководством деда, и я это никогда не забуду. Это был, наверное, 53-й год.

Все, Юрий Преображенский, Юрий Ермолов, дед Борис Васильевич и его младший брат Иннокентий, они все в августе брали отпуск и выезжали на открытие охоты. Дед чаще на Валдай ездил, но не только — в разные места. Юрий один и другой ездили на Московское море, по-разному, у каждого уже была своя семья, поэтому они не кооперировались в этих поездках. Но августовские поездки на открытие охоты, точнее «отпуск» — он всегда был тверд и законен. И в один из таких отпусков, когда я достаточно подросток, дед взял меня с собой в село Чеполышево на Валдае. На берегу озера там мы жили втроем: Борис Васильевич, его жена и я. Жена деда, молодая тогда женщина, Мария Федоровна.

Н.Ф.: Это его второй брак?

А.А.: Третий. И понятно, она была его операционной сестрой, причем, именно в Рукавишниковой больнице. Она была из соседней с Жилиным деревни Брёхово. Девушка, которая устроилась сначала, видимо, санитаркой. Потом она, вероятно, подучилась (она была очень умная, оперативная женщина) и стала операционной сестрой.

Но я хотел бы возвратиться к первой жене Бориса Васильевича, к Шереметьевской. Вот тут есть фотография, только ее нужно с лупой, хотя я ее отсканировал и разогнал. Это вот мой дед, Борис Васильевич Ермолов, это его жена, это венчание. Ольга Всеволодовна Шереметьевская, в замужестве Ермолова. Вот ее отец, Всеволод Петрович Шереметьевский, если я правильно помню. Тут вот такая сильная и властная женщина...

Н.Ф.: Правее, седая?

А.А.: Да, вот она стоит. Это Анна Николаевна, жена Всеволода Петровича, урожденная Ермолова, мать моей бабушки Ольги Всеволодовны. А это вот Марья Николаевна Ермолова, приглашенная на свадьбу.

Н.Ф.: Немножко за матерью, чуть-чуть правее.

А.А.: Это кухарка, вот она стоит. Тут сестры моего деда: Надежда, а вот младшая Мария.

Н.Ф.: Какой это год?

А.А.: Дочери родились — 12-й, 11-й, они обе на фотографии. Значит, это примерно 10-й год. А вот интереснейшая фигура. Это крестьянин Калиткин, с которым дед вместе охотился. Его друг и напарник по охоте.

Н.Ф.: Любимый друг?

А.А.: Любимый друг и, как видите, он в первых рядах гостей стоит.

Н.Ф.: Понятно, понятно. Очень интересно.

А.А.: А это моя бабушка, Ольга Всеволодовна, около дома, где они жили. Это тогда было Подмосковье, вероятно, Владыкино. Вот другая фотография: моя мама Ольга Борисовна, ей года полтора, на любимой собаке ее отца Бориса Васильевича. Это уже где-то в Москве. А это, скорее всего, Ольга Всеволодовна, судя по шляпе.

А вот это Москва, причем, можно точно сказать, где: в районе Собачьей площадки. Если вы свернете с улицы старый Арбат в Спасопесковский переулок, который идет мимо знаменитой церкви,

запечатленный на картине «Московский дворик», то пройдя дальше, вы попадете на место, где была Собачья площадка. А еще дальше были вот эти дома, я их прекрасно помню, я там часто проходил. Надо пояснить, что Собачья площадка — это небольшая площадь на пересечении трех арбатских переулков. В ее центре был даже маленький треугольный скверик. А на скверике стоял водоразборный фонтан, к которому когда-то стекались окрестные жители за водой. Это была реликвия XVIII–XIX веков. Теперь на этом месте лежит асфальт Калининского проспекта.

Была важная причина, по которой я там часто бегал. Ведь у меня постоянно жили лягушата, тритоны, воробьята и другая живность. Их надо кормить. А на Арбате был зоологический магазин, где можно было купить мучных червей, дождевых червей, мотыля для моего «зоопарка».

Тут есть еще один очень выразительный снимок. Вот мой дед стоит, Борис Васильевич Ермолов, вот его жена, а это ваш покорный слуга.

Н.Ф.: Где-то на Валдае?

А.А.: Нет, это никакой не Валдай. С этого все начиналось и до сих пор у меня в крови сидит. Это на тяге в Подмоскowie, апрель.

Н.Ф.: А вы охотник сейчас?

А.А.: У меня украли ружье, взломали квартиру, все перевернули и унесли, в том числе ружья. Несколько лет назад. Я раньше много охотился, но сейчас не об этом речь. Просто это все будет иметь отношение к моему вступлению в натурализм и далее в биологию. Запах талого снега, грязь непролазная, когда вы по раскисшим лесным дорогам бредете, причем, в темноте же надо, в уже угасающем свете заката.

Н.Ф.: А где это?

А.А.: Это между Рижской железной дорогой... мы на станции Снегири выходили и шли на Октябрьскую дорогу через деревни Брёхово, Жилино. Ближе к Крюкову уже начинались села, а это была абсолютная глухомань, разбитые еще с осени лесные дороги. И вот все это: в холодном вечернем воздухе запах нагретой за день коры елей и талого снега, запах зацветающего волчьего лыка первого, жужжание в вечернем сумраке первого шмеля, пение одиночных дроздов и хорканье вальдшнепов — это на всю жизнь. И всегда меня, когда апрель, тянет в лес. Для меня это вдохновенное время. Стараюсь выехать, если можно, за город и послушать дроздов, постоять на тяге.

Н.Ф.: Без ружья сейчас?

Ольга Борисовна Ермолова (мама), 1914 год. Сзади стоит ее мама Ольга Всеволодовна. Московский дворик у Собачьей площадки.

А.А.: Теперь без ружья. Но это было заложено в те времена. Дед мне подарил несколько книжек и ружье. Я имею ввиду книги про путешествия охотничьего плана. И такую любовь привил. Наверное, неправильное слово «любовь» — ощущение апрельской тайги, леса в эпоху тяги, оно, конечно, навсегда. Ну, и потом Валдай. Все-таки не месяц, но недели три на Валдае. Там я действительно как собачонка за ним ходил.

Н.Ф.: Сколько вам было лет тогда, когда вы на Валдае оказались?

А.А.: Лет двенадцать.

Н.Ф.: То есть, маленький еще?

А.А.: Ну, почему маленький.

Н.Ф.: До КЮБЗа, в смысле.

А.А.: До КЮБЗа, это все было до КЮБЗа. Я поступил в КЮБЗ очень поздно. Когда я поступил в КЮБЗ, мне было уже пятнадцать лет. Все было отринуто сразу, мне КЮБЗ заменил все. Но вот эти с двенадцати лет трех- четырехлетние зимние, осенние, весенние поездки на рыбалку, на тяги... По осени мы ездили на Московское море, уже младший Юрий Ермолов меня брал, жили несколько дней в деревне Редькино. На той стороне Московского моря Редькенский залив.

В ночь вставали, шли на берег, ждали пролета уток. Я до сих пор все помню: еще мерзнешь, но золото восходящего солнца сначала на черном, потом на фиолетовом фоне, даже не золото, сначала бордо, потом оно постепенно в красный переходит, потом уже в золото. И свист крыльев уток и их черные силуэты на этом фоне. Понимаете, это все так закладывается и в мозг, и в сердце...

Н.Ф.: Вот такой вопрос, Александр Карэнович, извините, что перебиваю. Ваше отношение к охоте сейчас изменилось? Если изменилось, то в чем? А если не изменилось...

А.А.: Для меня это, честно говоря, не очень интересно, но я готов. Я хочу еще про Шереметьевских рассказать.

Н.Ф.: Можно коротко?

А.А.: Да, пожалуйста, я скажу. В охоте для меня никогда не был интересен сам выстрел и тем более убитый зверь. Другое дело, что на стадии КЮБЗовской, да и потом, при работе в отрядах С.А. Шиловой и отчасти Е.В. Карасёвой (больше Шиловой), это было средство получения материала. Тут уже на второй план отступали эмоции. Для меня всегда было в охоте (особенно я много участвовал в крупных загонных охотах на копытных) самым важным выставить зверя. Понять его и, таким образом, выставить или себе или другим под выстрел. Стрелял я, думаю, довольно плохо, и только уже в ПИНе, когда мне было уж около пятидесяти лет, нам удалось там организовать, благодаря Александру Альфредовичу Карху (есть такой замечательный зоолог, орнитолог, который нашу кафедру закончил) некую секцию.

Н.Ф.: Да-да, я знаю его хорошо.

А.А.: Он человек, организованный во всем, в том числе и в этом. Мы регулярно ездили (это была советская власть, значит, как-то по профсоюзной линии оплачивалось) на стенд стрелять. И я понял, что значит стрелять профессионально, когда освоил стрельбу. Я даже второй разряд получил и однажды даже отстрелял норму первого разряда. Это уже совершенно другое дело. Хотя сам момент «завалить зверя», убить — во мне такой кровожадности не было. Хотя должен признаться, как для всякого анатома, разделка всегда представляла для меня интерес. Но тут уже зверь убит.

Н.Ф.: В общем, не изменилось. Или как сейчас вы относитесь? Ведь для вас тогда это было ключевым моментом, входом в натурализм, в науку, в общение с природой. А сейчас отношение ваше к охоте?

А.А.: Не знаю. Я не готов ответить на этот вопрос. Во всяком случае, никакой тяги взять ружье и в природе ходить и убивать у меня нет.

Н.Ф.: То есть, сейчас вы не охотитесь?

А.А.: Нет-нет. У меня сейчас нет ружья, и я его не восстанавливаю, хотя бы потому, что это технически очень трудно. Но честно скажу, если бы это было просто, я бы ружье как минимум восстановил и как минимум на стенд бы ездил регулярно. Я даже знаю, почему меня так влечет стенд. А вот страдал бы я на тяге вальдшнепа убить? Наверное, у меня не поднялась бы рука стрелять на тяге или тетеревином току, хотя я все время о ружье думаю. Но не надо недооценивать. Владение ружьем и охотничьи навыки мне очень в жизни пригодились. Например, во время плавания на корабле «Дмитрий Менделеев» в юго-западной Пацифике.

Н.Ф.: Наверное, раз сейчас нет ружья, нет возможности проверить, поднялась бы или не поднялась. Может наоборот, азарт...

Первый выезд на тягу. Весна 1953 год. Между станциями Снегири и Крюково в районе деревни Надовражино.

А.А.: Я для себя очень давно и ясно сформулировал, почему людей, таких как я (не знаю, всех ли), тянет ружье, тянет велосипед, тянут ласты, тянет верховая езда. Дело в том, что все это расширяет наши возможности. Особенно я это остро почувствовал, когда тренировался много в лыжной секции. Я достиг значительных успехов, первого разряда, причем оформил его и регулярно его показывал. И в плавании тоже. Когда вы как бы не связаны со снегом, скользите по поверхности, созерцая природу вокруг себя, почти не тратя сил, по сравнению с теми, кто не может ходить на лыжах. Точно так же вы тренируетесь в бассейне, а потом надеваете ласты. Вы преображаетесь, как бы себя преодолеваете, а при этом получаете очень большие возможности. То же самое — вождение автомобиля, езда на велосипеде, ружье. Это утраивает наши возможности земные.

Н.Ф.: Длинная рука, как говорили индейцы.

А.А.: Да, длинный ствол.

Возвращаясь к нашей теме. Родители жены Бориса Васильевича, Ольги Всеволодовны Шереметьевской, в замужестве Ермоловой, были образованные люди. Ее мать, Анна Николаевна Ермолова, сестра Марьи Николаевны, преподавала естествоведение в 4-й женской гимназии Арсеньевой. Я сейчас не готов ответить, что она кончила: университет или Высшие женские курсы, скорее всего, Высшие женские курсы. Там она преподавала, а ее муж, Всеволод Петрович Шереметьевский, ботанику и зоологию преподавал. Вот как-то так.

Их дочь, моя бабушка, окончила физико-математический факультет Московского университета и преподавала математику. Причем, что интересно. Она умерла в эвакуации, то есть она со мной пересеклась, а я с ней нет. Я ее не помню никак. Но когда я поступил в университет и нам читали высшую математику (ну, относительно высшую — дифференциальные уравнения), там преподавала (по-моему,

ее звали Марья Петровна, но я не уверен), очень почтенная дама в длинной юбке в таком клобуке, в ботинках с высокой шнуровкой 20-х годов. Ее все мои сверстники помнят. И когда я маме ее описал, мама говорит: «Так я прекрасно ее помню, это была ближайшая подруга моей мамы», то есть Ольги Всеволодовны. Значит, не умри она в эвакуации, может быть, я бы ее застал как преподавателя математики, поскольку она до войны, до эвакуации, преподавала математику в университете и даже имела статью одну по математике в каком-то американском издании. Более того, даже моя мама, Ольга Борисовна Ермолова, обладала математическими способностями, хотя получила гуманитарное образование. В 20-х годах она училась в университете и закончила исторический факультет. Перед войной мама работала в музее истории реконструкции Москвы, помните, такой был?

Н.Ф.: Был-был.

А.А.: На Большой площади, помните, не знаю, как она теперь называется, напротив Политехнического музея. Музей, к сожалению, был в храме, поэтому его ликвидировали. Не знаю, куда он перенесен. Надеюсь, что храм отдали верующим. Но я помню, что мама в этом здании работала как историк. Дальше она не соприкасалась с историей, в эвакуации работала (поскольку вся семья эвакуировалась со 2-м шарикоподшипниковым заводом) лаборантом на заводе. А после войны уже она какое-то время не работала, растила меня, сестру, а потом оставшуюся жизнь довольно долго как библиотекарь работала.

Она была человек очень начитанный, образованный, но, безусловно, не без математического дарования. Однажды мы ехали в пригородном поезде в Крюково, и в районе Подрезкова (там огромная сортировочная станция, по-моему, и сегодня сохраняется) целый состав цистерн стоял. Я задал вопрос: «Мама, а сколько эта цистерна вмещает?» Мне было лет двенадцать. Мама подумала и сказала: «Можно посчитать». Она глазом прикинула диаметр цистерны, ее длину, «пи эр квадрат», все это посчитала и назвала примерный объем цистерны. В вагоне (тогда еще не электрички были, а пригородные паровички ходили) на этих деревянных скамейках сидел человек, который сказал: «Да, вы правильно посчитали». Оказалось, он какой-то путевский инженер. Я тогда был совершенно этим потрясен. То есть, несмотря на всю гуманитарную подготовку и в дальнейшем работу библиотекаря, у нее было такое дарование. И надо сказать, что эта любовь и симпатия к математике передалась и мне. Но все-таки компонента ботаников-зоологов и натуралистов моего деда и его племянников взяла верх.

Н.Ф.: Она, конечно, захватывает.

А.А.: Да, она захватила и подготовила меня вольно или невольно к тому, что потом оказалось КЮБЗом, и к дальнейшей моей жизни. Что занятно, я как-то встретил в описании одного учебника по физиологии упоминание о Шереметьевском, Петровиче, имя не помню сейчас, который физиологию в университете преподавал. То есть, вот эта естественная компонента в Шереметьевских и Ермоловых очень сильная. Хотя повторяю, Василий Николаевич, отец трех сестер и двух братьев Ермоловых, был юрист. И, по-моему, даже не был охотником, хотя ездил в Сибирь решать дела каких-то там купцов крупных, золотопромышленников, и прочее, и прочее.

Н.Ф.: Это линия мамы?

А.А.: Это линия мамы.

Н.Ф.: Теперь, наверное, линия папы.

А.А.: Если у вас есть силы.

Н.Ф.: У меня есть силы!? Это если у вас они есть? Я-то слушаю.

А.А.: Там будет совсем другой рассказ.

Н.Ф.: Очень интересно.

А.А.: Почему не осталось архивов? Потому что постоянно к маме обращался музей Бахрушина и музей Ермоловой на Суворовском бульваре, где все документы о Марье Николаевне Ермоловой собирались.

Соответственно, они постоянно их брали, и мы в итоге остались полностью без архива и писем. Все, что имеет отношение к линии Ермоловых, ушло туда. Надеюсь, что это все там хранится.

Н.Ф.: Наверняка.

А.А.: Во всяком случае, для нас это уже сейчас недоступно. Еще маму приглашали, когда какие-то были мероприятия, в музей Ермоловой.

Н.Ф.: Можно ведь туда обратиться. Это, конечно, требует времени, но они наверняка будут рады — родственник.

А.А.: Не уверен, не уверен. У нас в семье, у моей сестры, она взяла мамину фамилию Ермолова, хранится вычерченная одной из родственниц Ермоловых генеалогия обеих стволов Ермоловых, начиная от тех двух братьев — сыновей бывшего крепостного скрипача Алексея Семеновича Ермолова. Там уже и я был нарисован, и моя сестра, соответственно.

О роде Агаджанянов

Н.Ф.: Ну, а теперь о линии отца.

А.А.: Линия армянская, тоже с очень непростой судьбой. Что еще интересно, мой дед Борис Васильевич когда-то, когда его спросили (тогда это полагалось в анкетах писать) об отношении к ВКПб и о партийной принадлежности, он написал: «В молодости сочувствовал эсерам».

Н.Ф.: Опасно.

А.А.: Опасно, но он был чистый доктор, любитель охоты и более ничего. В основном, я думаю, из-за этого в дальнем Подмосковье ермоловскую линию так никто и не тронул. Может быть, отчасти это было связано с тем, что Марья Николаевна — великая, народная, и прочая, и прочая. В советское время, хотя никто из них не был членом партии, никто из Ермоловых и Шереметьевских (естественно, они хоть ни в какой оппозиции не состояли, но, тем не менее, характер и миропонимание профессора Преображенского было известно), но не тронули никого. В противоположность армянской линии, где всегда были оппозиционеры царскому режиму и сторонники большевизма в широком смысле.

Значит, дед мой, Оник Артемьевич Агаджанян, иногда он Аганджанян или Оганджанян пишется, происходит из семьи... точно известно, что его мать была учительницей в гимназии в городе Гюмри. (Назван Ленинаном в 1924 году, в армянских текстах упоминается с 1773-го — 1775 годов, когда он назывался Кумайри. Историческое название Гюмри было возвращено в 1991 году.) Важно, что на той территории Армении, которая не попала под влияние Турции, Иревань, крепость Иревань, турецкая, всегда была лишь большим селом и большой турецкой крепостью. А центром хранения христианских традиций Армении, самосознания нации всегда был город Гюмри. И основное количество церквей христианских именно в этом месте было и сохраняется до сих пор.

Н.Ф.: Эчмиадзин?

А.А.: Нет-нет-нет, Эчмиадзин — это как Сергиев Посад у нас, это даже не город, не село, это просто некий центр, где расположена резиденция патриарха и основной храм.

Н.Ф.: И хранилище рукописей.

А.А.: Нет, хранилище рукописей Матенадаран в центре Еревана — это новое сооружение, уже после войны построенное. Совершенно не имеет отношения к церкви.

Н.Ф.: Да, понятно, понятно.

А.А.: Эчмиадзин — это раннесредневековый бывший город, на месте его остались лишь развалины храма, современный храм и резиденция патриарха всея армян (католикос называется). Армяне не православные,

православные — грузины, а армяне так называемые монофизиты. Потому что они приняли христианство до Никейского Собора, на котором было канонизировано понятие Святой Троицы: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. А они приняли христианство до Никейского Собора, и как приняли, так и сохранили до сегодняшнего дня. Поэтому они поклоняются Богу Отцу и Богу Сыну, в это понятие не входит Святой Дух. Это такая архаичная ветвь христианской церкви.

Два слова про отца моего отца, моего прямого деда. Он получил высшее образование, кончил в Москве специальное высшее учебное заведение — Лазаревский институт, в котором учились члены армянской общины Москвы, в Армянском переулке. Он получил профессию ирригатор. Это потом сыграло свою роль. Когда началась война (первая мировая), его призвали в армию, он имел офицерский чин. Есть фотографии, я их прекрасно помню, где стоит он, его жена Анаид, моя бабушка, и маленький Карэнчик, мой отец. Дед стоит с шашкой, со звездами на погонах. С началом революции он сразу встал на сторону большевиков, но не просто, а как пылкий армянин. Я читал в его анкете: он вступил в партию (была такая партия) коммунистов-максималистов. Но потом он пишет в анкете, что партия самораспустилась и влилась в ряды ВКПб. Он был очень партийный человек. Но не просто партийный. Когда в 20-е годы была создана Закавказская социалистическая республика, он вошел в состав правительства и возглавлял какой-то специальный наркомат по ирригации. Для Армении это было очень актуально. Он возглавлял строительство Эчмиадзинского канала.

У Мариэтты Шагинян (она очень рано начала мемуары писать, где-то в 30-х годах уже вышла первая серия мемуаров, большая серия мемуаров вышла в 50-е годы, хотя она еще много лет потом прожила) описывается, как они, молодые журналисты, совершали экскурсии по строительству Эчмиадзинского канала. И всё им показывал молодой ирригатор Оник Агаджанян. Более того, Мариэтта Шагинян в своих мемуарах имела неосторожность написать, что там было холодно (все-таки Армения, осень, довольно высоко над уровнем моря), и Оник ей дал, и она надела его красные штаны. И моя бабушка (она была библиотекарем, прекрасно знала всю литературу и, конечно, сразу прочитала мемуары Мариэтты Шагинян), в общем, очень гордилась, но возмущалась и говорила: «эта Мариэтта!» Это очень у меня жестко в сердце осталось. Мемуары вышли в 50-х годах, а сама история была в конце 20-х годов.

В 30-х годах дед возглавлял уже в средней России какие-то крупные производства, строительство меланжевого комбината где-то во Владимирской области, еще где-то. И как человек разумный, он однажды возмутился: «Какой дурак дал такое распоряжение хозяйственное?» А дураком оказалась очень высокая персона, в 37-м деда арестовали, и больше мы его не видели. Наверное, интересно современным поколениям знать об этом. О том, как арестовывали, известно, а о том, что людей реабилитировали, известно мало. Все ли знают, как выглядел материально этот феномен — акт о реабилитации. После смерти Сталина бабушка писала письма в Министерство внутренних дел, на имя кого? Не помню, не знаю.

Н.Ф.: Вы не знали о его судьбе ничего?

А.А.: Сейчас скажу. На первое письмо было отвечено после войны, что-де он умер от сердечной недостаточности во Владимирской тюрьме. Причем, чуть ли уже не после войны. На самом деле, когда он умер, это бесполезно даже пытаться понять. Но после смерти Сталина, это был поворотный пункт в истории страны, в 55-м — 56-м году, после нескольких писем Анаид о судьбе мужа она получила ответ (я видел эту бумажку своими глазами).

Это называется в нашей стране «реабилитация»: оторванная четверть листа того, что мы называем теперь формат А4, в конверте пришла. То есть, им было жалко бумаги, даже не лист (точно не целый лист), даже не отрезанный, а оторванный, на котором слепой машинкой с грязным шрифтом со скачущими буквами было написано: «Гражданка Лисинова, на ваш запрос отвечаем, что дело Оника Артемьевича Агаджаняна прекращено за отсутствием состава преступления». И далее: «Юрист второго ранга... подпись».

Я точно помню, что там слово ранг фигурировало и фамилия. Ни «спасибо», ни извинения, ни, тем более, какая-нибудь компенсация моральная или материальная. Вот так проходила в нашей стране реабилитация людей, которые отдавали за нее свою жизнь.

Н.Ф.: Она была расстроена, что получила в такой форме, или была в восторге?

А.А.: Нет, не в восторге и не расстроена. Дело в том, что к этому времени в официальных средствах массовой информации...

Н.Ф.: Это в 57-м, наверное, году?

А.А.: Раньше. По-моему, 54-й. 54-й — 55-й, где-то так. Прошел уже XX съезд партии.

Н.Ф.: XX — это 56-й.

А.А.: Наверное, начало 56-го.

Н.Ф.: Эта бумажка сохранилась?

А.А.: К сожалению, в наших архивах семейных она пропала. Я знаю, почему, нет смысла об этом говорить, но не сохранилось ничего. Во всяком случае, вот так оформлялась в те годы реабилитация.

Я хочу обратить внимание немножко на другое. О деде (об Онике) мне никогда ничего не говорили, а я по молодости и глупости до 56-го года вопросов не задавал. Ну, нет деда и нет. Тем более, у нашего поколения и отцов же не было. У половины людей, трети моих соклассников, и отцов не было — не вернулись с войны. Война порушила многие семьи, так что это была норма: нет деда и нет, нет отца и нет. Фотографии бабушка показывала.

Реабилитация, скорее, какое-то удовлетворение, хоть документ какой-то был. Многие сейчас не понимают, современное поколение, почему так важно было получить похоронку во время войны. Ведь если приходила похоронка, то можно было обращаться в органы власти и просить, не требовать, но просить и получить хоть какую-то пенсию за погибшего отца.

Н.Ф.: С похоронок выплачивали пенсию?

А.А.: Можно было надеяться. И даже если вы не получали пенсию, то вы, ваша семья, друзья, соседи знали, что ваш отец, ваш муж, ваш сын погиб, как часто и стандартно писали «смертью героя». А вот если он пропал без вести, то может быть в плену. А Иосиф Виссарионович четко провозгласил на всю страну: «У нас нет пленных, у нас есть предатели!» То есть, если вы не получили похоронку, а получили от воинской части извещение, что он пропал без вести, не дай бог это кому-нибудь сказать. Это завуалированный предатель. Известно, что большинство тех, кто попадали в плен, потом попадали в наши лагеря, кто на долгий срок, кто на короткий. То есть, понимаете, страшно было получить известие, особенно документированное, что он пропал без вести. Поэтому похоронка была в каком-то смысле благом. Это хоть было свидетельство, которым можно было дальше гордиться, которое вас хоть в чем-то, хоть немного могло поддержать. В этом смысле бумажка про деда — свидетельство того,

что он реабилитирован, что он не враг народа. Хоть определенность какая-то. И вполне определенно, что он не враг народа. Если сегодня нам более или менее известно, какое количество людей попало под эту статью и не было врагами народа, то в 50-х годах это совсем было не просто. Очень важный был документ, и я видел его своими глазами, весь пожелтевший.

Н.Ф.: Он был Огаджанян или Агаджанян?

А.А.: Агаджанян. Иногда его трактовали через «О», и это потом сыграло очень важную роль в судьбе моего отца. Мы до него еще дойдем, чтобы понять вообще строй, логику, психику людей того времени.

Н.Ф.: А когда они переехали в Москву?

А.А.: До этого мы тоже дойдем, мы еще только на подступах. Теперь о его жене, моей бабушке Анаид Артемьевне Лисиновой. Они были Лисинянами — Лисиновы. Их отец был купец, довольно крупный купец, они были тбилисскими армянами. Ереванские армяне со снисходительностью, даже с каким-то презрением относятся к тифлисским армянам. Есть такое слово «норикаци», я не знаю его перевод...

Н.Ф.: Агаджанян тоже?

А.А.: Нет. Агаджанян был ленинканский, а Лисиняны были тифлисские армяне. Когда я бывал в Армении, «норикаци» звучало как нечто презрительное. Недоармяне — неполноценные армяне. Но это очень большая все история. Сначала, кто они такие были: их отец Лисинов (он же Лисинян), Артемий Николаевич, был купец средней руки, настолько средней, что он, например, закупать ткани ездил в Лодзь, в польское княжество, или в Тверь, или в Иваново. Перед революцией он разорился, и не он один, и к счастью. То есть, революцию он встретил бессребреником и работал бухгалтером при советской власти до 30-х годов, а потом умер. Все его дочери пытались пойти в революцию, кое-кто и пошел в революцию. Тут есть один тонкий нюанс. Когда я спрашивал, кто была прабабушка (жена Артемия Николаевича), кто была ваша мама? Лисиновы (их было три сестры, они жили вместе) начинали смущаться. Хотя мне они все же сказали, что она была из рода Лорис-Меликовых, и они над ней всячески подтрунивали (все Лисиняны).

Дело в том, что фамилия Лорис-Меликова встречается еще в записках генерала Ермолова, героя войны 1812 года и руководителя военных операций на Кавказе. Лорис-Меликов, как пишет генерал Ермолов, был один из очень отважных и деловых поручиков в Кавказской войне. А позднее он возглавил 3-е жандармское отделение и готовил российскую конституцию для государя императора Николая Второго. Если бы злодеи террористы не убили государя императора, а он в день гибели должен был ее (конституцию) подписать, история России пошла бы, возможно, по другому пути. Но, поскольку императора убили, Лорис-Меликова сняли, проблему с конституцией закрыли, и Россия пошла по совершенно другому пути. Во всяком случае, Лисиновы этого стыдились, этого никому не говорили.

Н.Ф.: Слишком известная фамилия?

А.А.: Жандарм, вы понимаете. Для тех, кто ушел в революцию и верно служил большевикам, скрывал у себя на квартире, когда пришли к власти дашнаки, молодого революционера Анастаса Микояна, о чем он упоминает в своих мемуарах, связь с Лорис-Меликовым была неприятна. Это было такое позорное пятно.

Н.Ф.: Про конституцию уже не вспоминали.

А.А.: Более того, очень опасное. Все четыре сестры Лисинян, Артемия Николаевича дочери, сторонники большевиков, а и их мать Екатерина была урожденная Лорис-Меликова, и прадед ее звал Кэтти. Трудно придумать более драматическую ситуацию, хотя и вполне обычную для России конца XIX — начала XX века. Но очень интересная ситуация. Представляете, жена Артемия Николаевича, купца — аристократка. Например, она желала пить кофий с черным хлебом. А это была тифлисская семья, у них была кухарка, очень неплохо они жили. А где взять ржаной хлеб в Тифлисе? Он там не растет. Единственное место, где можно было взять ржаной хлеб в Тифлисе, это гарнизонные казармы. Поскольку

по закону, и по иерархии, и с точки зрения медицинской, ржаной хлеб богат витаминами, он полагался рядовому составу. Значит, кухарку посылали за ржаным хлебом, она покупала белые булочки и шла к казармам. Там был натуральный обмен. Все было налажено, солдаты это все знали. Они выносили ржаной хлеб, а она отдавала ситники. И несла, чтобы Екатерина, кажется, Николаевна могла выпить утренний кофий с ржаным хлебом.

Н.Ф.: Это ваша...

А.А.: Моя прабабушка, мать сестер Лисиновых.

Н.Ф.: И она была дочерью того самого Лорис-Меликова?

А.А.: Нет, не дочерью. Я этого не утверждаю. Но она была из этой семьи.

Н.Ф.: Поэтому боялись даже фамилию произнести?

А.А.: Еще бы! Глава третьего отделения. Жандармского!

Н.Ф.: Так он конституцию писал.

А.А.: Все равно стерли бы с лица земли.

Н.Ф.: Понятно.

А.А.: Не сомневаюсь, что в соответствующих органах об этом знали, но их не трогали. Потому что все четыре сестры (кроме Анаид, которая вышла замуж за Оника, родила Карэнчика и не участвовала в революционном движении), младшие сестры: Люсик, Гоарик и Аник, они принимали участие в Тифлисе в противоправительственных демонстрациях, укрывали (правда, наверняка об этом знал их отец Артемий Николаевич) беглого Микояна, и так далее.

Наезжали они в и Москву. Еще до революции средняя из сестер, Люсик, переехала в Москву, поступила на Высшие женские курсы, но тут ее засосало большевистское движение. Она участвовала в замоскворецкой ячейке большевиков. Была такая столовка для рабочих, там они собирались, и подпольные явки там были, и всякая черная касса. Заодно по распоряжению районного комитета РСДРП девушки там занимались — осваивали профессию медицинской сестры, готовились к уличным боям. Во всяком случае, в событиях октября 17-го года Люсик приняла активное участие и была убита. Они с подружкой перевязывали раненых красногвардейцев, с одной стороны, а с другой стороны, выполняли функции разведчиков. Барышни в длинных платьях на каблуках. Люсик еще носила пенсне, как и моя бабушка, могла пройти где угодно. Ее не трогали до поры до времени, но, в конце концов, застрелили.

Н.Ф.: То есть, это не случайная пуля, не перестрелка? Она была арестована?

А.А.: Нет. Это то, что теперь называется снайперы. Ее из окна юнкера убили. Застрелили сразу. Увидели наши красногвардейцы, успели подбежать, она им сказала: «Товарищи, я, кажется, убита!» Это донесла история, довольно сильным было землячество армянское. Они пришли к ее отцу, сказали: «Мы ее похороним, деньги дадим», он сказал: «Нет!». Тогда еще не была установлена советская власть, шли еще самые кровопролитные в Москве ноябрьские бои. Но он сказал: «Она с ними погибла, и пусть они ее хоронят». И она была похоронена на Красной площади, там эти захоронения вдоль стены — надгробные камни. Там хоронили всех погибших в ноябре после восстания, в одну могилу клали по несколько гробов. И в ее честь назвали улицу «Люсиновская». Там она погибла, там и назвали улицу, а похоронена она у Кремлевской стены.

Моя бабушка, Анаид Артемьевна Лисинова, всегда библиотекарем работала. После того, как арестовали Оника, как жена врага народа она не могла никуда устроиться.

Н.Ф.: Ее арестовали тоже?

А.А.: Нет, не тронули никого, кроме Оника. Может быть, отчасти, из-за Люсик Лисиновой. Но так было: она отработала всю жизнь в библиотеке. Еще до войны ее устроила подруга в библиотеку шарикоподшипникового завода. Поэтому с ним мы и эвакуировались в 41-м. Но она работала только в хранилище, чтобы на абонементе не появляться в явном виде перед чистой публикой.

Теперь про двух других сестер. Одна, Гоарик, более младшая, в 20-е — 30-е годы была послана в Поволжье на борьбу с голодом. Не знаю, комсомолкой она, наверное, не была, в партии не состояла никогда. Она рассказывала страшные вещи. Может, тогда у нее претерпела очень мощный удар нервная система, потом она даже лежала в психоневрологической больнице. Но при всем притом, гимназическое образование они все получили. И Люсик, и Анаид, и Гоарик, и Аник — самая младшая.

Н.Ф.: А что она рассказывала?

А.А.: Про людоедство Гоарик рассказывала о женщине, которая стоит, качается, глаза в пространство устремлены — она ребенка своего съела. Детали она, конечно, не рассказывала, но не раз говорила: «Это было страшно». Еще она работала в госпиталях, а после установления советской власти в Средней Азии занималась, кажется в Таджикистане, «борьбой» с неграмотностью среди женщин.

Н.Ф.: В общем, этот стресс так и не прошел?

А.А.: Он выразился в том, что она всю жизнь курила. И умирая даже от грудной жабы, она не могла не курить. Но это потом. Всю дальнейшую жизнь она была очень крупной фигурой в банковской системе Советского Союза. Сейчас не могу точно сказать, как она попала, но она попала в Госбанк на Неглинной, и, ни много ни мало, была кредитным инспектором по легкой промышленности. Что это означало? Что какое-нибудь крупное производство в Тверской, во Владимирской губернии или в Средней Азии просило у Госбанка кредит. Туда выезжала Гоарик Лисинова и инспектировала это производство: сможет оно или не сможет вернуть кредит Госбанку Советского Союза. То есть, от ее подписи зависело все. Все Лисиновы, все предшествующие поколения были кристальной честности люди. И Гоарик работала кредитным инспектором, оставалась в Москве во время войны, не уезжала в эвакуацию. И всю войну, и после войны в 50-х — 60-х годах, пока не вышла на пенсию, она работала в должности кредитного инспектора Государственного банка Советского Союза.

Самая младшая из сестер Лисиновых, Анна (Аник), тоже кончила гимназию, но тут началась революция. Они с Люсик до ее отъезда в Москву во всяких молодежных компаниях протестных в Тифлисе участвовали. Даже на один день эти «революционерки» попали в тифлисскую тюрьму — Метехский замок. А потом, в 20-х годах, Аник (Анна Артемьевна) поступила в Энергетический институт в Москве, закончила его и прошла весь путь классической советской интеллигенции.

Она участвовала как энергетик в строительстве Магнитки, в строительстве Днепрогэса. Во время войны она с Анаид и с Сашенькой (так они меня называли), с моей мамой и с ее мамой уехали в Куйбышев, где мы и провели всю эвакуацию. Вернувшись в Москву, Аник сначала участвовала в строительстве крупной бумажной фабрики под Серпуховом. Потом трест, в котором она работала и была ведущим энергетиком, участвовал в строительстве Московского университета. И последняя стройка, после которой она ушла на пенсию, это были Лужники. Вот: Магнитка, Днепрогэс, военное время — лихолетье, тем не менее, работа энергетиком на шарикоподшипниковом заводе, Московский университет от фундамента до шпиля, Лужники. В 1952 году, что ли, она меня провела по заваленным строительным мусором лестницам главного здания будущего МГУ до самого верха. На шпиле я побывал, под лучами звезды. Там, кстати, зеки работали, но, тем не менее, на меня был оформлен пропуск, и мы с ее прорабом, таким энергичным парнем-монтажником, проделали однажды этот путь.

Н.Ф.: Наверное, монтажнику было не опасно, поскольку зеки-то уже были бытовики.

А.А.: Абсолютно не опасно, тем более, там женщины уже работали — штукатурные работы. Наоборот, я уже этого не помню, но Аник мне рассказывала, они все закричали: «Мальчик, мальчик!» Они так соскучились, увидев нечто вместо часового с винтовкой, или своего прораба, или Аник. Было понятно, что это

не охрана, а обычные люди. Конечно, высокотехнологические вещи делали образованные люди, а не арестованные. Но и арестованные положили много труда и сил на строительство МГУ.

Н.Ф.: Понятно, понятно.

А.А.: Я это к тому, что почти всю эвакуацию, примерно лет до пяти, я провел среди бабушек, с Анаид и Аник, потому что Ольга Всеволодовна, мамина мама, рано умерла, еще до 43-го года. А потом моя мама, Ольга Борисовна, уехала в Москву.

Н.Ф.: Отчего она умерла?

А.А.: Не знаю. Скорее всего, стресс какой-то, во всяком случае, мама об этом никогда не говорила. Коммунистическая компонента во мне сидит. Конечно, я был с пионерского возраста пропитан коммунистической идеологией. Я и теперь от этого не отрекаюсь, и надо понимать, что это достаточно характерно для людей моего поколения. Вот так: с одной стороны, мой дед, абсолютно беспартийный, в молодости сочувствовавший эсерам, и охотники, натуралисты, биологи. С другой стороны, такие хозяйственники, если инженера можно назвать хозяйственником, с очень глубокой убежденностью в правоте коммунистической идеи.

Была еще моя тетушка, родная сестра Карэна, которая в честь Люсик, погибшей в 17-м году, тоже была названа Люсик. Она врачом была по профессии, в самом конце войны кончила 2-й медицинский институт и по распределению работала сначала в Молдавии районным врачом. Там очень тяжело было. Она рассказывала тоже непростые вещи. Там и бендеровцы, и сифилис, и трахома, и туберкулез. А потом, когда вышел срок, вернулась в Москву и всю жизнь проработала в 5-й градской больнице. Сначала обычным терапевтом, а потом завотделением.

Н.Ф.: А в каком районе Молдавии?

А.А.: Не знаю. В сельской местности.

Н.Ф.: А ваш отец?

А.А.: Про отца расскажу обязательно. Просто я соображаю, все ли рассказал про лисиновскую компоненту.

Н.Ф.: Можно потом вернуться.

А.А.: Теперь Карэн, да. Таким образом, семья Лисиновых с 18-го года была московской семьей. Они жили на Ордынке до тех пор, пока в 54-м, может быть, году, уже после окончания строительства университета, Аник не дали двухкомнатную квартирку за городом (тогда это был загород), на станции Очаково. Теперь Очаково входит в черту Москвы. Тогда Лисиновы выехали с Ордынки. Этот дом на Ордынке стоит до сих пор, такой огромный, дореволюционной постройки московский дом с высоченными потолками, с огромными, генеральского плана квартирами.

Об этом можно отдельно рассказывать, там быт очень интересен был. Ну, например, на кухне стояла огромная плита, куда были вмазаны чугунные батареи, и когда плиту топили, по всему дому текла теплая вода. Там был черный и парадный входы. Причем, очень интересно, пятый этаж, потолки почти четыре метра, представьте, с такой высоты спускаться вниз или подниматься. Парадный вход для господ, и там был лифт, тогда не было автоматики и открывать его дверь можно было в любое время.

Н.Ф.: Дом в Очаково?

А.А.: Нет, я говорю про Ордынку, про дом, где Лисиновы жили до Великой Отечественной войны. Где жила Гоарик во время войны, куда они вернулись после войны, и куда я ездил регулярно на воскресенья к бабушкам. После возвращения из эвакуации я жил с мамой в Гранатном переулке, это особая статья, мы еще об этом расскажем и обсудим. Потому что там все не случайно: зоопарк и все остальное. Это район Москвы, где жил Андрей Дмитриевич Сахаров и молодой и Лев Георгиевич Капланов. Но об этом потом.

Возвращаясь к Лисиновым на Ордынке. Квартира была огромная, ведь до революции ее господ

занимали. В ней была огромная передняя, обширная приемная, внутренние покои, отгороженные от передней [дверью]. Была ванна, была кухня, была комнатка для кухарки, был туалет для господ и маленький туалет, в который с кухни можно было входить, чтобы кухарка не пользовалась господским туалетом.

Н.Ф.: Что вы про лифт сказали?

А.А.: Дверь можно было открыть в любое время. Сейчас так устроено, что если кабины нет на этаже, вы дверь не откроете. А тогда можно было открыть и, теоретически, можно было упасть в шахту. Потом, уже при мне, сделали так, что дверь шахты открывалась только, если кабина лифта находится на вашем этаже. Лифт, конечно в войну не ходил, но когда его пустили после войны, так сделали, чтобы нельзя было упасть. Значит, прислуга поднимала все на себе [по лестнице черного хода], топились все дровами: огромная плита, весь дом и ванная (была отдельная ванная, все как у людей). Были огромные баки над плитой, подавалась горячая вода из этой плиты. А прислуга поднималась пешком, для них был отдельный вход, правда сделаны были довольно пологие лестницы, но не было лифта. Дрова, продукты, вынос помойного ведра, все осуществлялось пешочком.

К нашему времени там каждую отдельную комнату, вплоть до комнаты прислуги, занимала отдельная семья. А Лисиновых жило как минимум четверо: три сестры, потом Люсик вернулась из Молдавии, и Карэн к ним присоединился. Все жили с Анаид. А на воскресенье я к ним приезжал. То есть, шесть человек на двенадцати квадратных метрах. Стояли топчаны, по армянской системе кровати сворачивались, как у армянских крестьян. Специальные так называемые «мутаки»: постельное белье и одеяла сворачивались на день в чехлы-подушки диванные, подобно спальным мешкам. А если я приезжал или, не дай бог, кто-нибудь из гостей, то были специально сделаны козлы деревянные, которые стояли в разобранном виде в коридоре. Тогда между кроватями ставили козлы и на них стеллаж. А если еще кто-нибудь приезжал, тогда он спал на столе. Застилали такой большой письменный (он же для еды) стол, и на столе спали, а сестры таким бордюриком по стенам. Естественно, когда все ложились, ходить по комнате было нельзя.

Ну вот, с 18-го года уже семья была московской. Если возвращаться к тифлисской жизни Лисиновых, то они все кончали гимназию, но это была специфическая гимназия. Было такое общество учителей в Тифлисе, армянских учителей, и это была гимназия общества армянских учителей. И бабушка, например, могла и по-грузински говорить (по-моему, даже писать), и по-армянски. Кухарка у них была в Тифлисе грузинка, из грузинских крестьян. Но они хорошо говорили и писали по-армянски, чего, к сожалению, я лишен был всегда, и даже отец уже не знал армянского. Он на фронте армянский изучил, потому что у него в подразделении попался настоящий армянин из Армении. И отец говорил по-армянски, но плохо. Иногда на рынке торговался по-армянски, что приносило успех, а я был очень горд.

Но тифлисская школа, гимназия, отличалась вольнодумством. Например, знак прогресса и либерализма: если вы не хотели учить Закон Божий, в отличие от обычной гимназии вы могли его не учить. И Лисиновы гордо не ходили, в пику традиции, не ходили учить Закон Божий, о чем я бы теперь жалел. Но уже тогда закладывались корни нигилизма и вольнодумства. Тем не менее, они были невероятной честности, кристальности, искренности и даже некоторой наивности, все сестры Лисиновы, все три, оставшиеся в живых после 1917 года. Многие из моих друзей и даже сокурсников их помнят, потому что я там бывал каждое воскресенье до пятнадцати лет. Когда я уже стал с дядьями выезжать за город, все равно старался в субботу их навестить. В Очакове даже, а когда они были на Ордынке, то каждое воскресенье я проводил там. Кроме того, там уже была горячая вода.

Н.Ф.: А у вас дома не было?

А.А.: О нашем доме я еще подробно скажу.

Н.Ф.: У меня такой странный вопрос, может, я этим проявлю свое невежество, улица у нас называется Лисиновская?

А.А.: Люсиновская.

Н.Ф.: То есть, Люсик Лисинова, при соединении получилась Люсиновская улица.

А.А.: Не знаю, почему она Люсиновская. Возможно некий синтез Люсик и Лисинова. Понимаете, ее блузочка простреленная лежала в Музее революции, в отделе молодежи, комсомола. Какой-то был фильм, уже в наши дни, об этом периоде, о восстании. Но дело в том, что это была курсистка: тоненькая, длинная, в пенсне, в таком клобуке, в длинной юбке. А в фильме красногвардейцы строят баррикаду, появляется трамвай, на котором привозят ватные пуки. «Люська, Люська приехала!» — она, якобы, была ткачихой на какой-то ткацкой фабрике, привезла тюки хлопка. Вроде бы они могли использовать эти тюки для строительства баррикад. Коротко стриженная, с юбкой выше колен, этакая Люська-золотая ручка. Просто смешно и существенно упрощено по сравнению с реальностью. И кинорежиссеру проще, и зритель все сжует.

Что еще? Про Карэна?

Н.Ф.: Про Карэна обязательно. И мы к Александру подбираемся потихоньку.

А.А.: Про маму я сказал. Карэн? У него была сестра Люсик, которая где-то в 19-м году родилась и была моложе брата лет на пять соответственно. Интересная была судьба этого поколения. Лисиновы, как уже сказано, жили на Ордынке. Рядом была фабрика Госзнак, где печатают деньги (она и теперь там). А тогда пионерские организации создавались по партийному принципу, то есть не школьные, а по производствам. Пионерская ячейка Госзнака была одна из первых в Москве, и Карэн вошел в состав этой пионерской организации. В семейном архиве сохранялись снимки: они на демонстрации — галстуки повязаны, с поникшим каким-то лозунгом на двух палках... Теперь мало кто знает, что пионерские организации создавались по типу бойскаутских. Я еще помню, носил, сохранилась от отца железячка-пряжечка (не узлом завязывался галстук, а такая как бы посеребренная пряжечка, в нее вставляли концы, а сзади она защеплялась). Красивая была, мельхиоровая, и на ней эмалевый рисунок — три красных языка пламени.

Для нашего с вами рассказа (я не берусь рассказывать особенности пионерской организации тех времен) важно, что они как бойскауты тренировались. В частности, перебежки делали, встать-ложиться по свистку. Мы к этому свистку подойдем, он сыграет важную роль в жизни даже моей, а тем более отца. Отец успел кончить техникум перед войной, в институт он и не собирался, с одной стороны, с другой, все-таки сын врага народа... В общем, он кончил техникум, работал на трамвайных подстанциях городского транспорта. Вы представляете, что это такое? По всему городу разбросаны подстанции тяговые, поскольку и метро, и троллейбус, и трамвай работают на прямом токе (не на переменном). Но прямой ток не может быть трансформирован, его напряжение нельзя изменять. Тот, кто физику учил, помнит и знает, что за счет постоянных колебаний напряжения можно трансформировать переменный ток. А прямой ток трансформировать нельзя, но городской весь транспорт работает на прямом токе.

Так вот, по всему городу разбросаны тяговые подстанции, которые выпрямляют ток. То есть переменный, который можно передавать на большие расстояния, трансформируют в прямой, и железные дороги работают на прямоточных автоматических системах. Вот отец работал на таких подстанциях. И соответствующий техникум энергетический кончил. Но его призвали в армию. А в армии в то время, в 30-е годы, людей, которые имели хотя бы полное десятиклассное образование, было не так много. В конце концов, обязательным было семилетнее по всей великой России. Тем более было мало окончивших техникум. Это выше, чем десятилетка.

О ранении отца

Его призвали в саперные войска и после трех лет прохождения срочной службы еще на год оставили, присвоив звание младшего лейтенанта. Когда началась война, он, конечно, как истовый комсомолец, наследник партийных традиций своей семьи, пошел сразу в военкомат и подал заявление об отправке на фронт. Но ему отказали, поскольку он невольно подпадал под бронь, как те, кто должен

был обеспечивать работу городского транспорта в Москве.

Однако когда немец подошел к Смоленску, взял Смоленск, когда было уже ясно, что бои развиваются на прямом направлении Смоленск — Москва, очередное его заявление удовлетворили и призвали в армию. Но поскольку не хватало офицерского состава, срочно набирали, в том числе и ополчение, его поставили командиром батальона ополчения. Младший лейтенант — командир пехотного батальона. После подготовки (примерно с месяц он обучал своих солдат), это уже была осень 41-го года, его батальон поставили на оси Крюково — Москва. Мы много раз там ездили, он мне потом в деталях показывал в районе Химок, уже выезжая из Москвы (за мостом через канал стоял их батальон), ту трубу, которую они заминировали и готовились взорвать, если немцы прорвутся. Я бы хотел подробно остановиться на этом, потому что даже такой честный писатель, как Василий Быков, излагает события неточно.

Н.Ф.: Секундочку. Там, на этом шоссе, стоят знаменитые ежи?

А.А.: Вот об этом и хочу сказать.

Н.Ф.: Труба ближе?

А.А.: Дренажная труба под полотном Ленинградского шоссе была между современным памятником «Противотанковые ежи» и каналом, где они стояли. У Василия Быкова написано: «Вот, немец, рубежи, Крюково, там ежи». На самом деле «Ежи» стоят на тридцать километров ближе к Москве, и именно там проходил рубеж, а Крюково было глубоким тылом передовой. Передовая проходила даже ближе к Москве, чем Черная Грязь. Как судьбы вершатся! Когда я лежал в 46-м году со скарлатиной в Черной Грязи (об этой больнице мы уже говорили), там лежали дети и мужики (все в одной палате), которые помнили оккупацию 41-го года. До сих пор помню рассказы про трупы, про немцев в тылу передовой в Черной Грязи. Я хочу, чтобы мы все это честно и твердо знали и помнили. Понимаете, я это у Быкова прочитал, что ежи у Крюкова, прочитал у человека, который, казалось бы, сам воевал, прекрасно знает и помнит войну. Но даже он способен заблуждаться. А ежи стоят на двадцать — двадцать пять километров ближе к Москве, чем Крюково. У Химок.

Н.Ф.: Я знаю, потому что я же из МОИПа, и мы ездили в Дегерево в районе озера Сенеж. И там бабушка местная помнила немцев, оккупацию, немецкое кладбище...

А.А.: Еще бы. В Дегерево это было несколько месяцев, в Черной Грязи недели, а в Крюково месяца полтора-два. То есть, Крюково было просто глубоким тылом передовой, а штабы передовой располагались в Черной Грязи. Линия самой передовой располагалась примерно в том месте, где Ленинградское шоссе пересекает железную дорогу. А за железкой стоял батальон отца. Если бы немцы двинулись из Черной Грязи, то Карэн со своими бойцами должны были взорвать мост через канал, который находился сзади у них за спиной, и эту трубу на Ленинградском шоссе. Там бы от них не осталось ничего. Но к счастью немец не прорвался.

После знаменитого наступления наших войск под Москвой 1941 года их сняли с передовой и отправили на переформирование, но не полностью. Их подпереформировали, поскольку первоначально в состав ополчения вошли ткачи пресненские да профессура университетская. Часть профессуры отозвали, у них была еще возможность подучиться военному делу. А дальше его батальон бросили на Западный фронт, где под Асташковым зимой 42-го года отец в одном бою был дважды ранен. Сначала ему пробило гортань (но к счастью не задело позвоночник), а потом пуля прошла под левым соском, не задев сердечной сумки, но легкие были прострелены. Это все рассказывал отец. Рассказывал, как он не мог говорить, естественно. Поэтому на меня так сильно действуют стихи Твардовского, помните «Солдата и смерть»:

[«За далекие пригорки

Уходил сраженья жар.

На снегу Василий Теркин

Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,

Взялся грудой ледяной.

Смерть склонилась к изголовью:

— Ну, солдат, пойдем со мной».]

Зима, снег, мороз, бой отошел (как у Твардовского) за пригорок, и он лежит на снегу, замерзает, просто умирает.

Причем тут был один нюанс. Когда он уходил в армию, была ранняя осень, его собирали Анаид и сестры. Они не были замужем, ни Гоарик, ни Аник. Анна была, но это отдельная история, замужем за Алексеем Столяровым, руководителем РСДРП Замоскворечья. Его чуть ли не сразу после смерти Ленина арестовали, и он сгинул. Так что, на самом деле, не замужем. Они жили одной семьей с Анаид, и они собирали Карэнчика на фронт: вязанные рукавицы, носки и все такое. Кто-то из сестер, Анаид или Гоарик, нашли свисток пионерский (память о пионерских тренировках). Говорят: «Зачем тебе это? Он: — Нет». Отнял, положил, застегнул — это как-бы талисман, «пусть тут лежит, в моем рюкзаке походном». Это был, конечно, не рюкзак, а вещмешок, который на горловине затягивался. Пара носков, может, портянки и пионерский свисток.

И вот зима 1942 года, он лежит на снегу и кричать не может, и легкие пробиты и гортань, темнеет, бой отошел. А он слышит... Люди, в общем-то, особо никому были не нужны, нужны были винтовки. И после каждого боя, если поле боя оставалось за нашими (за Красной армией), то обязательно высылали людей, которые собирали винтовки. Теперь как-то немодно говорить, но мало кто знает, что в 41-м (этого не было в отцовском батальоне) часто отправлялись формирования на фронт с одной винтовкой на двоих. У пулеметов был первый и второй номер, у минометов — первый, второй и третий, у ПТР, противотанковых ружей — обязательно два номера, потому что просто тяжело было тащить противотанковое ружье, а надо было тащить еще и коробки с патронами. А на винтовку тогда тоже полагалось два номера: один стреляет, а второй лежит и ждет, пока убьют товарища. Понятно, винтовок не хватало, а людей хватало. Если вы почитаете Симонова, он пишет так: «Бей саперную лопаткой!» У Твардовского в стихах тоже указывалось, как драться гранатой или саперной лопаткой. Они знали, что писали. Не было винтовки у второго номера. Поэтому их и собирали. Мне рассказывал один человек, который в 42-м был призван, он был молодой. Их даже в 42-м отправляли с одной винтовкой, а уж в 41-м это было сплошь и рядом.

Но вернемся к Карэну. Он слышал переговоры людей, которые собирали оружие. А кричать не может. Тогда он достает свисток (а его перевязали все-таки, легкие хоть воздух не пропускали), зажимает гортань ладонью и начинает дуть в этот свисток. Вот, зажав горло, он стал дуть в свисток, его услышали и подобрали и на носилках потащили в медсанбат. Правда, его не надеялись довести, а с ним было еще несколько раненых: ну чего покойника возить, все равно умрет.

Машин не хватало (это уже он рассказывал), и он выкатился на дорогу (терять-то было нечего), весь забинтованный, завязанный. Там мешки специальные, такие большие спальные мешки, так называемые «туберкулезные». Нам их на складе МГУ выдавали [для экспедиций], у меня такой мешок до сих пор есть. Но все-таки это кончилось тем, что его положили в кузов и тех, кто с ним был, два, три человека, и довели до поезда. Это было Калининское направление, соответственно Асташков. Дальше все уже развивалось по киношному счастливо. Как-то ему удалось понять, что его через Москву Сортировочную повезут. Когда их привезли, как-то ему удалось уговорить того, кто мог двигаться, позвонить деду. Он знал, что Борис Васильевич Ермолов — главный хирург одного из московских госпиталей. Ему позвонили, дед обладал полномочиями и прислал санитарную машину. Отец всячески бодрился, чтобы в поезд попасть, а потом расслабился. И его сняли с поезда, дед прислал машину, и он попадает в госпиталь Бориса Васильевича. Дед его оперирует, извлекает пулю грудную (шейная насквозь прошла).

Н.Ф.: А в груди?

А.А.: Была. Дальше все было хорошо настолько, насколько на войне может быть хорошо. Он поправляется рано или поздно.

Н.Ф.: Голос у него восстановился?

А.А.: Восстановился. Правда, он хрипел и не мог петь. Говорят, до войны пел хорошо, у него был слух. Нет-нет, нормально все. Более или менее нормально. К этому эпизоду с ранением я вернусь, но нужно закончить рассказ про Карэна, про его военную эпопею и послевоенную. Он провоевал и дошел до Кёнигсберга.

Н.Ф.: Он снова пошел на фронт?

А.А.: Он пошел на фронт, но уже напряженность к концу 42-го года спала. Его уже, как специалиста сапера направили в «безопасные» саперные войска. И далее всю войну он строил минные заграждения, все минировал и разминировал.

” Он очень любил Некрасова «В окопах Сталинграда», потому что там герой тоже саперный лейтенант, и отец считал, что это самое правдивое и точное описание войны. Ночью ползать минировать или разминировать, а днем писать и подавать всякую канцелярию с этими минными полями. И, конечно, подрыв вражеской техники, и саперная разведка. Ведь сапер ошибается раз в жизни. В общем, он все это прошел, все это проползал, ни разу не ошибся, поэтому жив.

Более того, получил орден Красного Знамени и Отечественной Войны.

А за одну операцию, которой особенно гордился, получил орден Александра Невского 2-й степени. Накануне нашего крупного наступления уже в преддверии Прибалтики, под его руководством и по его инициативе под носом у немцев каждую ночь чуть ли не на резиновой надувной камере (замечают — тут же накроют артиллерийским огнем) они промеряли реку. А в тылу, там, куда не доставали немецкие бинокли, соорудили быки из подсобного материала, надежные быки. И когда была команда навести переправу, они за одну ночь сделали переправу. И не просто так, а по ней пошли танки, и ни один танк не сорвался и не провалился. Вот за это он получил орден Александра Невского 2-й степени. Ну, и дальше воевал. Более того, саперные войска — они повсюду саперные, он до 46-го года служил, был в армии, поскольку разминировали Прибалтику. Уже в качестве старшего лейтенанта.

Ему, конечно, предлагали остаться, он, естественно, не согласился: жена, дети и прочее. Как только позволили, он демобилизовался. И заканчивая рассказ про Карэна: после войны он поступил на вечернее отделение Энергетического института, то есть по своей специальности. Все фронтовики, их было трое: Володя Вахромеев, Лева Ефретов и Карэн, вместе готовились и учились на вечернем отделении. Они прошли войну, уже работали инженерами, но хотели получить и получили дипломы инженеров. Это наши отцы. Пусть их имена запомнят наши дети и внуки!

Отец гордо говорил: «Мы — трамвайщики». Очень трудно они начинали (они собирались у нас на Ордынке) — первый курс после тяжелой дневной ответственной работы. Он был инженер, с ним был друг Володя Вахромеев, вернувшийся без ноги с фронта, еще два зрелых человека, которые тоже прошли фронт. Они вместе готовились, преодолели второй и третий курс, дальше пошло легче, ведь они хорошо знали свою специальность. Отец защитил диплом. Диплом у него назывался «Мастерские по ремонту трансформаторов тяговых подстанций». Это пошло на ура, а потом он всю жизнь уже проработал в этой системе.

Я хотел вернуться к ранению. Дело в том, что после того боя ушло два письма. Одно (видимо, его писал политрук) пришло маме, что ваш муж пал героем; а второе было наградное: «Наградить орденом Красной

Звезды за действия в бою». Но поскольку пошло письмо, что убит человек, его не наградили. Это представление как бы повисло в воздухе. Там как раз Оганжян, Аганжян — писарь переврал. И отец всегда считал, что орден он недополучил, но никогда об этом не говорил. Марья Васильевна, тетка моей мамы, младшая Ермолова, которая с нами жила и больше переживали за фронтовиков, за Карэна, что он орден недополучил. А в 2001–2004 годах эта история получила продолжение.

Оно связано уже с моим племянником Иваном (прямой внук Карэна, сын моей сестры). Он закончил в свое время Станкостроительный институт, пошел по линии робототехники, в 2011 году докторскую защитил по этой теме, но об этом можно отдельно рассказывать. Во всяком случае, на одном из вечеров-встреч в институте, это было года три назад, один дядечка подошел к Ивану и сказал: «Спасибо вам большое, какие вы замечательные люди. У вас замечательный институт, у меня сын кончил ваш институт. Очень высоко отзывался о вас, о вашей кафедре. Теперь дочь учится. Спасибо!» Ну, какой-то там был фуршет, и они разговорились с этим дядечкой. И дядечка не скрывал, что он бывший военный, полковник, но вышел в отставку, а жить на что-то надо. И теперь он работает в Подольске в архиве Министерства обороны. Ваня возьми и расскажи эту историю, которую мы слышали много раз от Карэна, как он был ранен, и прочая, и прочая.

Прошло еще какое-то время, не такое уж большое, где-то с полгода, год, и этот дядечка звонит и говорит, что он нашел представление. Там есть распечатка донесения. Это не то, что говорил Карэн, а то, что написал командир в донесении. В представлении было сказано, что Карэн Агаджанян со своим батальоном проводил разведку боем. Будучи ранен, не покинул поля боя. Но поскольку не мог говорить из-за пробитой гортани, он на снегу рисовал подчиненным команды действия для своего батальона, и только когда был вторично ранен, по требованию медперсонала оставил позиции. За что его командир представляет к награде. Надо понимать: одно дело рассказ участника, моего отца, другое дело — документ, представление армейского начальника. Короче, этот дядечка, полковник, он знал от Ивана о моей сестре и порекомендовал: «Пусть она напишет прошение или ходатайство». Только прямые родственники могут писать подобные прошения. И сестра (Марина Карэновна) написала в Министерство обороны.

Н.Ф.: И она написала? В 2004-м?

А.А.: Думаю, что позже, потому что орден ей вручили этой весной, в 2012 году.

Н.Ф.: А вашего папы уже нет в живых?

А.А.: Папы уже давно нет в живых. Сестра получала этот орден не в Министерстве обороны, а в военкомате. И всего-навсего капитан, может быть, не главный комиссар районный, а начальник отдела, вручая ей этот орден, сказал: «Наверное, ваш папа там радуется». Поскольку сестра, Иван и я люди воцерковленные, мы не сомневаемся, что он там радуется. Понимаете, как это много значит для нас и, особенно, для внуков. Все-таки иногда справедливость торжествует. У Ивана недавно родилась дочка Ефросиния (названная в честь жены Дмитрия Донского), у меня есть сын, у меня есть внуки, то есть то, что рассказывал Карэн, засвидетельствовано документом, сухим документом. И орден нашел отца. Но это уже другая история. Это уже заслуга внука Ивана, того полковника и моей сестры.

Н.Ф.: Да-да, рисовал схемы действия.

А.А.: И пионерский свисток... А потом он тихо работал, довольно рано ушел из нашей семьи, но всегда я бывал у него, у бабушек. Он жил с другой женщиной. Там никогда не было детей. Отец у нас бывал на всех днях рождения много лет, и пока я не стал зарабатывать нормально, маму поддерживал, всегда нас денежно поддерживал. Регулярно общался с внуками, Иваном и Артемом. И оказал существенное влияние на их миропонимание. Я уж не говорю о нас с сестрой.

Н.Ф.: Это замечательно. Ну, теперь мы добрались до Саши.

А.А.: Нет, теперь мы должны все-таки очертить квартиру. Может, в следующий раз?

Н.Ф.: Я-то готов слушать. Может, чай поставить?

А.А.: Да, давайте чашку чая, а то с семи утра... может «батарейки» подзарядятся.

Н.Ф.: Сейчас поставим.

А.А.: Я о силе духа людей, которые нас растили. Значит, Иван был любимый внук Карэна, много общались очень. А всю закалку стоицизма в меня, скорее, бабушки закладывали и мама, а в Ивана дед Карэн. Иван — мой племянник, его родной внук. Он кончил Станкин (Станкостроительный институт), как я уже говорил. У него военная специальность — ремонт танков. Там специальная большая кафедра, сейчас ее разогнали, ликвидировали, танки продали. А у них были танки натуральные, и они учились их водить и, самое главное, собирать и разбирать. Он в тонких деталях все про современные танки знал, знает и гордится.

Гранатный переулоч. Весна 1955 год. С одноклассником Виталием Давыдовым. Около своего дома, который расположен на противоположной стороне улицы. Над головой тот самый «колокольчик» приемной Министерства иностранных дел.

Когда началась война в Тирасполе, и небезызвестный командарм Лебедь противостоял тому безобразию, которое двигалось через Молдавию с румынской стороны, Ваня сказал маме, что он поедет кататься на горных лыжах. А Марина, моя сестра, и ее сын, мой племянник Иван, действительно катались на горных лыжах. Уехал кататься, а приехал в Тирасполь. Я уж не знаю, как они договорились, но он участвовал в ремонте танков подразделений Лебеда если не под пулями, то, во всяком случае, в боевых условиях. Его Тираспольская республика наградила боевой медалью.

Н.Ф.: Напряжение там было большое.

А.А.: Короче, он имеет боевую медаль республики Тирасполь за участие...

Н.Ф.: В миротворческой операции?

А.А.: Нет, не миротворческая операция. Тираспольцы его сами наградили. Не Российская Федерация, а республика Тирасполь.

Н.Ф.: Лебедь ведь с какой-то миротворческой акцией там был?

А.А.: Войска Лебеда их разграничили, он не позволил им гвздать друг друга.

Н.Ф.: Воюющие стороны?

А.А.: Да, но они воевали. И на стороне «наших» воевал Иван, по крайней мере тем, чем мог: ремонтом танков. И он имеет боевую медаль за участие в этой войне, он там свой человек, если приезжает в Тирасполь. А они, его боевые друзья, бывают здесь. А ведь это мальчик, родившейся в 75-м году. Так вот.

Н.Ф.: Ну, слава Богу, что все прошло благополучно.

А.А.: Да. Значит, мы остановились на Малой Никитской, на описании квартиры. Не квартиры, а всего этого района. Там, понимаете, есть вещи, которых никто не знает. Как нигде не говорят, что воевали с одной винтовкой на двоих. Что в Гражданскую войну на походе несли перед воинскими подразделениями плакаты с надписями «мама», «папа», «рабы не мы» и так далее. На ходу учили грамоту.

Н.Ф.: Скажите, насчет двух винтовок, это вам отец рассказывал?

А.А.: Это чуть ли не у Симонова где-то написано. Нет, я это дважды слышал, второй раз я слышал от участника войны, брата моей коллеги Нины Ивановны Глушанковой. Мы с ней много работали. Коллега с географического факультета МГУ, почвовед. У нее родной брат чуть старше ее, Леонид. Я его хорошо знал. Он сейчас уже умер, но мы общались, я бывал у них в гостях. Он довольно поздно ушел на фронт, его только в 42-м призвали. Он молодой тогда был, 25-го года рождения. Это он рассказывал. Я, может быть, если поднатужусь, вспомню второй источник информации, но это абсолютно точно, вы мне поверьте.

Н.Ф.: Я верю, но важно: это деталь биографии вашего отца?

А.А.: Нет-нет. Потому что Карэн, еще раз напоминаю, получил младшего лейтенанта еще до войны, как имеющий высшее образование, то бишь техникум. И войну он уже начинал офицером, ему полагался пистолет. А сколько винтовок у них было в этом ополченческом батальоне, он об этом не говорил, а я по недогадливости не спрашивал. Еще одна не ложь, но мягко говоря, неточность, которая содержится во всех наших фильмах, — у них не было сапог. Они носили только обмотки, и я помню, как отец рассказывал, что он учил своих солдат-ополченцев правильно наматывать портянки и обмотки. Он обучал своих солдат. Если вы посмотрите фильмы, какие-нибудь документальные ленты, например, даже на ступенях рейхстага, рядовой состав пехоты еще в обмотках. И я помню, после войны в учебных лагерях под Крюковым, где мы жили, солдаты носили обмотки.

Н.Ф.: А может потому, что они были в ленд-лизовских ботинках?

А.А.: Не знаю. Я только знаю, что были обмотки, ведь обмотки в русской армии были введены в первую мировую войну. Рядовой состав пехотный в значительной мере был обут в обмотки. То есть, ботинки и очень плотные такие обмотки.

Н.Ф.: Да, я знаю.

А.А.: Специальные: портянка, ботинок, а сверху специальные а ля гамаша. Нечто между коленкой и голеностопным суставом. Но это были прочные, по-видимому льняные ткани, прокрашенные в зеленый цвет, по крайней мере, для летнего периода. Никаких сапог, извините, не было. Это почему-то у нас умалчивают.

Лично я родился в 40-м году в ноябре, то есть до войны еще оставалось полгода, даже чуть больше. Наша семья жила... почему-то это называлось Малая Никитская, хотя официальный адрес был: Гранатный переулок. Родился я не в каком-то элитном родильном доме Грауэрмана, который рядом на Арбате был, а в обычном родильном домике. Это двухэтажное зданье у Никитских ворот (его загорает совершенно новое здание ТАСС), в маленьком Леонтьевском проулочке, переулочке, который идет к теперешней Тверской. Там еще и после войны был родильный дом.

Когда началась война, мама со мной жила на Сходне, где у деда был домик, поскольку он в Черногрозской больнице работал. А потом мама, я, бабушка Анаид, которая работала в библиотеке шарикоподшипникового завода, и Анна, которая была энергетиком, и Ольга Всеволодовна, мамина мама, все уехали с шарикоподшипниковым заводом в Куйбышев. И вернулись осенью 45-го года, если не считать Ольги Всеволодовны, которая в 43-м в Куйбышеве умерла. И я начал свою жизнь на Малой Никитской в Гранатном переулке.

Сама квартира располагалась в здании, которое выходило парадными в Гранатный переулок, а черные ходы (мы уже об этом говорили) выходили во двор, который открывался на Малую Никитскую. Но в отличие от лисиновского дома на Ордынке, современной тогда постройки конца XIX века, дом, в котором жили мама и еще три семьи Ермоловых, был значительно старше. Это были казармы. До революции это были жандармские казармы, причем конной жандармерии. Так гласило дворовое предание. Это было трехподъездное, красного кирпича с высокими потолками и с паркетными полами в комнатах здание. Оно существует и теперь, как это ни забавно. Причем после войны там жили и в подвалах, но наша квартира была на первом этаже.

О дровяном отоплении Москвы

В чем особенность Москвы того времени? Ордынка, Замоскворечье были окраиной Москвы в XIX веке, а Никитники (Большая и Малая Никитские), как и Арбат, это было ее сердце. Поэтому там сохранялись порядки, аксессуары, техническое обеспечение середины XIX века. Значит, комнаты отапливались до войны голландскими печами. Были великолепные голландки, если современное поколение знает, что это такое. Ведь мало сказать, что это такие вертикальные из кирпича сложенные печи. Ведь они же изразцами обложены. И мало кто представляет, что изразцы внутри полые, поэтому нагревавшийся воздух в них сохранялся. Мало кто знает, что дымоход имел два уровня. Один, нижний, в который полагалось вставлять трубу от самовара. Он «золотой», то есть медной вьюшкой закрывался. И второй, повыше, где перекрывался дымоход, причем двойным перекрытием. Сначала плоский «блин» клался в дымоход, а сверху такая перевернутая чугунная «сковородка» с ручкой, она все перекрывала. В нижнее круглое отверстие дымохода можно было вставить трубу от самовара, а когда печь (дрова) полностью прогорали, и был перекрыт основной дымоход, медную круглую крышку можно было снять, и нагретый воздух из печи поступал непосредственно в комнату.

Н.Ф.: То есть, это не вьюшка была?

А.А.: Две, две чугунные: одна плоская вьюшка как тарелка выгнутая, а вторая как сковородка с ручкой сверху. Она клалась сверху на плоскую вьюшку. Но это все функционировало до войны или, по крайней мере, до революции. А во время войны в каждой комнате был поставлен камелёк, то есть просто глиняная деревенская печечка из кирпича прямо на паркете стояла, дымоход которой выходил прямо в голландку. Она имела две конфорки и шкаф из жести для пирогов как бы. И когда топили камелёк, вы могли на нем тут же готовить. Если дети пришли мокрые с улицы, то в шкаф-духовку можно было какие-нибудь мокрые валенки или носки положить. Конечно, он накалялся докрасна, так что это можно было сделать, когда печка переставала топиться.

Н.Ф.: А печка жестяная выходила куда?

А.А.: По-разному. У нас [была кирпичная], выходила в топку голландки. Она просто вплотную стояла

к голландке, и ее дымоход входил непосредственно в топку голландки.

Н.Ф.: Это для того, чтобы можно было готовить?

А.А.: Не только. Натопить голландку трудно, камелёк легче, и потом не надо тратить дрова на готовку. [Ведь, если печка не топилась, еду готовили на керосинках.] Все дело в том, что во время войны была очень большая проблема с дровами: их негде было брать. Как рассказывала Марья Васильевна, младшая сестра Бориса Васильевича, которая всю войну оставалась в Москве, неоткуда было взять дрова. И я сам уже участвовал после войны в пилении кольев, досок, где-то на улице подобранных, и тому подобного. Но она говорила, что еще одним источником дров были бойцы трудфронта, если слушатели представляют, что это такое. Целый ряд людей из Киргизии, из Казахстана, из Таджикистана, малообразованных, неприспособленных к холодам, были не готовы воевать, да еще на морозе. Их призывали в армию, но не направляли на фронт, а использовали на уборке снега, на уборке улиц, на ликвидации разрушений после бомбежки. Они работали на торфоразработках, на лесоповале и так далее. Конечно, им было очень трудно: непривычные морозы, голод, тяжелая работа. Но, по крайней мере, не стреляют и не убивают.

В своих студенческих скитаниях по Подмосковию, как раз в Заболотском районе, мы набрали на маленький пункт, поселочек, который назывался Казах. Дрова в этом поселке складывались так же, как складывают кизяк в Казахстане — круглой шатровой кучей, а не поленицей. Ясно, что на этих торфоразработках трудились казахи, с тех пор и традиция эта осталась, и название. Вот что делали бойцы трудфронта, а заодно они со строек или с этих ремонтных работ доску стащат и несут по квартирам. Вдруг стук в вашу дверь: «Шэпка», — цитирую Марью Васильевну, — «шэпка, хозяйка, шэпка!» А эта «щепка» — здоровая доска, украденная, и, значит, надо было или кусок хлеба дать, или деньги, в общем, за что он соглашался вам продать. И это были дрова. Их мелко резали, причем в доме, потому что нельзя же было резать на улице.

Н.Ф.: А камельки в это время построили? То есть, между революцией и войной?

А.А.: Ни в коем случае. Их построили в начале войны. Это все описано, в кино показано, когда стоит буржуйка жестяная и в форточку труба. Но это было в домах современных, которые в начале XX века построили, где не было печей. А у нас были печки изначально, и не надо было трубу в форточку, [а в топку голландки,] тут не было проблем. Интересно, что на стыке труб, выведенных в форточку [от железных печурок], постоянно капала смола или деготь, то есть в трубах шла сухая перегонка. Чтобы сохранить пол, под стыками вешали консервные банки на проволочке, и в них собирался этот конденсат. Это, конечно, был бич буржоек. Но В.А. Ватагин, например, использовал этот конденсат во благо. Смолу и деготь он собирал и использовал для тонировки и консервации своих скульптур, особенно, если они были вырезаны из дерева. Это я уже сам застал и запомнил.

Н.Ф.: Понятно, понятно.

А.А.: На той же Ордынке были жестяные печки. А на Малой Никитской архаизм дома сыграл свою положительную роль. Более того, на кухне у нас стояла огромная русская печь. Причем, дом-то был трехэтажный, и на втором и третьем этажах стояли печи на фундаменте. Ведь когда строят дом, печь кладут отдельно на собственном фундаменте. Дом может сгореть, развалиться, печь будет стоять. Чтобы эта конструкция, печка второго этажа, не провалилась, на первом этаже не только передняя часть топки русской печки (как вы знаете, там пламя и дым идет так: к стенке задней, потом поднимается к верху свода, двигается вперед и выходит в трубу в торце русской печи, который к вам лицом со стороны комнаты), но и задняя часть была выложена кирпичной кладкой до потолка. На этих двух опорах стояла русская печь на втором этаже, и у нее тоже была такая же кирпичная кладка для печи на третьем этаже. То есть, такой вот печной быт конца XIX века в нашем доме до 60-х годов XX века сохранялся.

Н.Ф.: Дом деревянный был?

А.А.: Нет. Мощный, красного кирпича каменный дом. Другое дело, что высокие потолки, широченные подоконники, толщина стен сантиметров шестьдесят. Дом трехэтажный и трехподъездный. Более того, перед парадным входом, который открывался в Гранатный переулок, были ступени и лестница из камня.

Конечно, никакого лифта не было, были ограждения чугунные каслинского литья, те, что роль балясин играли, и отполированные перила до третьего этажа. А на лестнице черного хода, который открывался на Малую Никитскую, были деревянные ступени и деревянные ограждения и перила. Они без конца ломались, не горел свет, пахло кошками и так далее. Но мы, в основном, ходили через черный ход, потому, что там ближе было к остановкам трамвая, автобусов, а позднее троллейбуса на Большой Никитской, которая после революции называлась «улица Герцена». Мир к нам приходил (магазины, почта, участковый милиционер, водопроводчики и все остальное) именно с Никитской. И ребята играли во дворе, а это все открывалось на Малую Никитскую.

Если говорить о каких-то фазах эволюции что ли, нарастания благосостояния послевоенного, то первое, что появилось — дровяные рынки. Вы могли получить карточки как на хлеб, так и на дрова в вашем домоуправлении, поехать и по ним купить дрова. Ну, например, дровяной рынок был в том месте, где теперь сидит Алексей Николаевич Толстой. За Большим Вознесением у Никитских ворот. В скверике, где храм, который изображен на картине «Московский дворик», был дом американского посла, собственно, резиденция американского посла, и там бульварчик был перед храмом. Вот на этом бульварчике тоже был дровяной рынок. Вы могли приехать, дать эти талоны, дать деньги, мужики здоровые в такой из уголков сваренный кубометр напихивали дров и бросали вам в машину. Вы ее оплачивали и вам привозили. Проблема была в том, где хранить эти дрова. Но это следующая была фаза благосостояния. Хранили первоначально где? На этой же кухне, на русской печке. Я еще помню, как мама топила русскую печь на кухне по большим праздникам.

Н.Ф.: У вас же была коммуналка? Как вы там хранили дрова?

А.А.: Ну, как-то так укладывали, кто у себя в комнате, кто где. Плохо было сначала. Потом во дворе построили сараи, а еще того пуще — в подвале флигелька во дворе, который на Малую Никитскую выходил. Там было страшно, потому что не было ни окон, ни дверей. Надо было зимой со свечкой, которая гаснет, спуститься в этот подвал и в крошечной тьме (отовсюду на тебя лезли всякие страшилища) найти свою перегородку, открыть закуток, нагрузить дрова. Это все на плечи мужчин ложилось.

Н.Ф.: То есть, там на каком-то замке это все было?

А.А.: Да-да, персонально семья или квартира имели свой закуток. Понимаете, дело в том, что когда приносили дрова, клали на печку эту русскую на кухне, чтобы они подсохли после снега, так как когда колют дрова, снег набивается под кору полена или в расщелины. Дрова подсыхали, и за год, по крайней мере к весне, накапливался толстый слой всякой трухи древесной, бересты, и прочая, и прочая. И там поселялись тараканы. Причем, не какие-нибудь вульгарные прусаки, а такие здоровые черные тараканы. И настало время, когда я их начал всячески лелеять. Потому что иногда наглые соседи их травили, когда я уезжал, сначала в пионерлагерь, а потом в экспедиции юношеские.

Н.Ф.: А не опасно, что это загорится на печке?

А.А.: Русскую печь топили очень редко, только по праздникам, под Новый год. Дрова можно было снять, но на лежанке они никак загореться не могут. Это было как бы коллективное решение квартиры. Мама спрашивала, не будете ли возражать, потому что по всей кухне стояли столы кухонные каждой семьи, и понятно, что это надо было согласовывать. Она там даже пироги какие-то на поду пекла, но это было на моей памяти два, три раза, раз пять максимум за все время. Сейчас вы поймете, чем, когда и почему это кончилось.

Возвращаясь к тараканам. Когда я поступил, а я в пединституте начинал свое образование, возникла проблема материала, а черные тараканы — крупные, как лягушки, и на занятиях по анатомии позвоночных используются, как известно, для изучения анатомии беспозвоночных.

Н.Ф.: Где их сейчас берут, я не знаю.

А.А.: Думаю, что разводят искусственно в сеточке. А тогда надо было только ночью войти на кухню и зажечь свет. На кухонных столах неизбежно что-то оставалось (мясо резали, хлеб), и там

концентрировались такие черносливины. Надо было зажечь свет, наготове держать ковшик или банку и туда смахнуть их. Потом — в трехлитровую банку, где уже заранее был хлеб приготовлен и нарезаны газетки, и так далее. Набрал какое-то количество, до тысячи примерно, я нес это на кафедру и получал деньги. Причем, деньги были больше, чем стипендия. Вот такой бизнес, если угодно, или юннатское начало.

Н.Ф.: Да, да, да.

А.А.: И когда я приезжал осенью, и какой-нибудь одинокий таракан вяло плелся...

Н.Ф.: Соседи разрушали это замечательное предприятие!

А.А.: Даже не бизнес, скорее, мне было животных жалко.

” И я тихонько под стол бросал намоченный хлеб, чтобы соседи не увидели, чтобы тараканы там развелись. И где-то к Новому году, глядишь, опять топот слышен. Такой легонький: «пум-пум-пум» по столам кухонным.

Н.Ф.: Солидные животные.

А.А.: Да, да, да. Значит, примерно в 53-м, плюс-минус, году началась газификация Москвы. Это была вторая фаза улучшения жизни в Москве. Первая, когда открыли рынки дровяные. На них, кстати, также елки продавали к Новому году. Вторая, когда стали проводить газ.

Н.Ф.: А ведь елки разрешили не сразу тоже.

А.А.: Я запрета на елки не помню. Как известно, еще до войны первые елки были в Колонном зале. Как только в Колонном зале, так и дальше...

Н.Ф.: Да-да, конечно.

А.А.: В эвакуации елки были точно. Запрет был снят до войны.

Н.Ф.: У меня нет временных границ.

А.А.: Елки разрешили еще до войны. Легко найти, когда первая елка была в Колонном зале, и когда это было подключено к общенародным праздникам. Так вот, что важно: готовили на керосинках, летом-то, когда печки не топились. А керосин надо было покупать. Сейчас это люди, наверное, плохо представляют, но этот мыс схождения Малой Никитской и Большой Никитской, где сзади стоит Большое Вознесение — здесь все были дома двухэтажные. В них были булочные, в них был гастроном, такие едальные все магазинчики. А на Малой Никитской, между рядом двухэтажных домиков середины XIX века, и Большим Вознесением (Храм Вознесения Христова) была керосиновая лавка.

В мои обязанности входило сначала ходить пешком, а потом ездить на велосипеде и покупать там керосин. Сначала его наливали из таких, как в общепите, большущих кастрюль. Как-то туда заливали, а потом дамы таким ковшиком, как бы суповым, наливали его вам в бидончики или куда-то. В одно время появились автоматы. Надо было прийти в кассу, дать деньги, вам давали жетончик металлический, вы его вставляли в автомат, и из трубы лился керосин. Финал я не очень помню, но финал был неизбежен, потому что в 50-х годах стали проводить газ, и весь центр, в том числе, я это хорошо помню, Малая Никитская, были перерыты глубоченными траншеями. Я в это время уже в школе учился. Еще не юннатский, но уже юннатский интерес проявился, еще до КЮБЗа.

Вокруг Большого Вознесения было огромное кладбище, и при рытье траншей для газовых труб масса была человеческих костей выброшена. Я подобрал и принес домой череп, и на одном из традиционных ермоловских сборов мой дед Борис Васильевич взял череп в руки и сказал: «Это молодая девушка

двадцати семи, примерно, лет». Я был потрясен, и это все еще больше подогривало мое естествоиспытательство. Я держал без конца в банках лягушек, но чаще тритонов, у меня даже размножались тритоны в банках. Хотя в тех условиях, в которых я их держал, как теперь понимаю, они не могли размножиться, но, тем не менее, они размножились.

Ходили мы в Крюкове на даче корзинками карасей ловить по прудам: под куст подводишь корзинку, ногами пошуруешь, они к тебе в корзинку шарахаются, ты достаешь. Сам момент интересен. Дело даже не в улове, а в том, что это все шевелится: личинки стрекоз, карасики и все другое. И в том числе тритоны. Потом мы уже ходили в другие глухие места в пределах Москвы. Это, в частности, были пруды в пределах Новодевичьего монастыря. Правда, где Малая Никитская, а где Новодевичий монастырь. Это было дальнейшее путешествие, на трамвае добирались, но уже с корзиной. Там один раз я поймал самца-[тритона], а у меня была самка-тритониха. Они принесли икринку, отложили, и даже вылупился тритончик маленький. Это тоже такие ступени — предступени к биологии. Кстати, тех маленьких карасиков, которых я ловил в прудах Крюкова, моя мама, Ольга Борисовна, всегда добросовестно чистила и жарила, всячески поощряя мои «зоологические» увлечения.

Но все-таки хочу вернуться к дому на Малой Никитской. Я уже сказал, что были ли там действительно жандармские конные казармы, не знаю. Но в каких-то 50-х годах, когда началось озеленение (от войны уже немножко отошел народ, стали озеленение делать во дворах), на одном из участков, копая со всеми ямки для черенков, я нашел круглый медный жетон пять — шесть сантиметров в диаметре с выбитой головой лошади. Так что, может эта дворовая легенда не без основания бытовала.

Н.Ф.: А где были конюшни?

А.А.: Легенда гласила, что в подвале.

Н.Ф.: Конюшни в подвале, это что-то... так говорили?

А.А.: Так гласит легенда. Когда мы вернулись из эвакуации, там жили реальные, живые люди. Причем, окна были очень глубокие, в том смысле, что потолки в этом подвале были практически на уровне земли. Я бывал у ребят (соседи же, один двор) часто в подвалах. Там была одна серьезная проблема: полы жилых квартир фактически были расположены на уровне канализационных труб. Мы-то знали, на какой глубине они лежат. Было несколько колодцев во дворе, и мы часто видели, как их чистили. Вскрывали, когда надо было какой-нибудь затор прочистить в нашем доме или в соседних флигельках, которые стояли во дворе. Поэтому, если сильные дожди или какой-то особый засор в системе, то полы начинало подтапливать в этих подвальных квартирах. А они все были населены, все абсолютно. Подъездов было три, столько же — первый, второй, третий и подвальный этаж, и они все были плотно заселены. Как везде, в одной комнате семья: муж, жена, дети, все вместе.

Я бы хотел еще вернуться к обзору достопримечательностей этого района. Напомню, что на Малой Никитской, но ближе к центру, до войны жил Лев Георгиевич Капланов и его семья. Семья там жила и в наши годы, и Матюшкин Женя ходил к Костальской домой, навещал. Я, к сожалению, не удосужился сдуру.

Н.Ф.: Я знал ее.

А.А.: Они жили и потом во флигельке, который выходил не на Малую Никитскую, а в Гранатный переулок. Примерно на том же уровне (я себе это хорошо представляю, могу объяснить, как и почему), судя по мемуарным описаниям, жил Андрей Дмитриевич Сахаров.

Н.Ф.: Во флигельке прямо в вашем дворе?

А.А.: Нет-нет, ближе к центру. Примерно на четыре дома ближе. Если вы помните, в Гранатном есть Палата мер и весов, она и теперь там. Старинный русского классицизма особняк, а напротив, если идти к центру по Гранатному переулку, то есть в сторону Малой Никитской, есть еще серия жилых домов, флигельков, вот там Сахаров, судя по описанию, и жил. Просто больше негде. Ближе к нам Дом архитектора огромный.

Да, там было маленькое готическое здание, где было французское посольство во время войны, а дальше Дом архитектора. А вперед к центру тоже многоэтажные дома. Собственно, только один дом. Так что только в этом интервале могла жить семья А.Д. Сахарова.

Район очень непростой. Давайте с истории начнем. Напомню, что там и сейчас стоит дом, который, к сожалению, после войны, а по-моему, еще до войны, принадлежал Министерству иностранных дел, то есть там посольство. За храмом Вознесения Христова (Большое Вознесение, в котором венчался А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова) — фамильный дом Суворовых. И во время всяких вакаций или зимой там бывал регулярно Александр Васильевич Суворов. Это сразу за памятником, где сидит сегодня Алексей Николаевич Толстой. За Большим Вознесением было раньше кладбище, а сейчас там сделали скверик: проезжую часть, скверик, и А.Н. Толстого посадили совсем недавно, в 70-е годы. А дальше глухая стена и за ней дом, который и есть фамильный дом Суворовых.

Свадьба моего деда Бориса Васильевича Ермолова и моей бабушки, Ольги Всеволодовны (в девичестве Шереметьевской). 1912 год.

Это важно, потому что если стоять лицом к Большому Вознесению, то слева виден маленький храм, небольшая церковка. Это храм Федора Студита. Раньше его было не видно, там не было колокольни, ее разрушили после революции, снесены были купола, в помещении была какая-то канцелярия или бог весть что. Храм не только сейчас вернули церкви, но восстановили колокольню. А известно, что там, на хорах, на клиросе, пел Александр Васильевич Суворов. Он был человек воцерковленный, довольно строго следовал церковным традициям, у него был хороший слух.

Н.Ф.: Это отражено в современной заставке банка Империял, по которой русский народ свою историю

изучает: до первой звезды нельзя, помните. До первой звезды нельзя — Страстная Пятница.

А.А.: «Орден Александру Васильевичу».

Н.Ф.: Да-да, орден Александру Васильевичу.

А.А.: Ну, это все из истории известно, но, к счастью, храм вернули церкви. Теперь у входа прикреплена небольшая черного камня доска, которая извещает, что тут пел А.В. Суворов.

Вторая достопримечательность — само Большое Вознесение. Я прекрасно помню, что там было, что спасло храм. Там была лаборатория (в окна было видно) по испытаниям высокого напряжения. Там испытывали изоляторы высокого напряжения. Через окна было видно, что там огромные изоляторы стоят, потом уже стало известно, что они пускают заряды и проверяют...

Н.Ф.: Пробьет — не пробьет?

А.А.: Да, пробьет или не пробьет. Какая-то, наверное, велась серьезная исследовательская работа. Почему там венчался Пушкин? Никто никогда не задавал себе такого вопроса. А я знаю. Потому что еще в 50-е годы, как раз напротив того места, где Малая и Большая Никитская соединены друг с другом Скарятинским переулком, и дальше он идет на Поварскую, стояло одноэтажное зданье — дом с мезонином. Это, конечно, был дом Натальи Гончаровой. Он был покосившийся, там уже никто не жил к этому времени, и уже в 70-е годы там построили новый жилой дом и снесли этот домик. То есть, новый в их время храм Вознесения Христова был для Натальи Гончаровой приходской храм, там был ее духовник. Понятно, что там она и венчалась.

Третья достопримечательность этого района, может быть не самая выдающаяся, но с архитектурной точки зрения интересная. Прямо напротив Большого Вознесения особняк русского модерна, фронтон которого украшен мозаикой Врубеля.

Н.Ф.: Врубеля?

А.А.: Врубеля, конечно. И сейчас это хорошо видно, а тогда ее было не видно, потому что очень красивый витиеватый забор был досками загорожен и покрашен темной краской. На здании памятная доска, что там жил и скончался Алексей Максимович Горький. Его охраняли всяко, а в наши дни доски [забора] убрали, сделали музей. Я лично внутри был только один раз, но особняк великолепный совершенно.

Н.Ф.: Дом Шехтеля? Архитектор Шехтель, а дом Рябушинскому, кажется, принадлежал.

А.А.: Да, но я сейчас про другое. Там еще есть один, только не Шехтеля... вылетело из головы. Тоже особняк стиля модерн, который выходит на Большую Бронную, которая раньше называлась улица Алексея Толстого. Значит так: от Никитских ворот прямо к Садовому кольцу идет Большая Никитская (ул. Герцена), чуть-чуть восточнее Малая Никитская. Потом отделяется вилкой Гранатный переулок и бывшая Спиридоновка, она же улица Алексея Толстого. А дальше Малая Бронная и между ними Патриаршие пруды.

Но вернемся к Спиридоновке, бывшей Алексея Толстого. На нее выходит великолепный, гораздо больше того, где жил Алексей Максимович, особняк модерн. Он и до настоящего времени там существует, его занимает, как это мы называли, «приемная Молотова», то есть Министерство иностранных дел. Почему меня это касается? Потому, что мои окна выходили в Гранатный переулок как раз в том месте, где машины иностранных послов останавливались, когда приемы там устраивались. А мы за день знали из газет о приемах. Машины, которые послов привозили, ставились не вдоль Спиридоновки, а у нас в Гранатном переулке, у меня под окнами. Там заранее вывешивали «колокольчик» так называемый, радиорепродуктор, и где-то начиная с десяти часов, когда кончался прием, иногда и пораньше, на весь Гранатный переулок: «Машину индийского посла к подъезду!» Или там какой-нибудь секретарь важный: «Машина № такая-то к подъезду!» И они от моего окна ехали и через проулки (как бы изнутри) подъезжали к особняку, брали соответствующую персону и уже по Спиридоновке увозили хозяина.

Еще одна примечательная вещь, не будем ее забывать. Через два дома от нас, от нашего дома, который на Малую Никитскую смотрел (не мой персонально, а нашего двора), стоял небольшой дом, а потом огромное здание, построенное перед самой войной. Знаменитый теперь Дом звукозаписи. Дальше Вспольный переулок и еще дом, который своим забором уже выходит на Садовое кольцо почти напротив зоопарка. Это резиденция, жилой дом Лаврентия Павловича Берии.

Мы играли на тротуаре, который был покрыт асфальтом. После войны сначала и Малая Никитская была булыжниковая, а Гранатный очень долго сохранялся булыжниковый. Но все-таки в 50-е годы его тоже покрыли асфальтом. И весной особенно, помните, так как еще не было снегоочистительных машин, дворники увозили во двор весь грязный снег с улицы. Во дворе огромные сугробы скапливались. Весной там еще ничего не растаяло, а хотелось уже чистоты. Мы выходили на улицу играть в какой-нибудь расшибец, девочки скакать по клеточкам или прыгать через веревочку на асфальте, который такой теплый, сухой, весенний. И мы наблюдали, как Лаврентий Павлович частенько к себе домой или из дома по улице едет.

Н.Ф.: По вашей улице как раз?

А.А.: По Малой Никитской, через дом от нас.

Н.Ф.: Я так понял, что его дом выходил на Садовое?

А.А.: Правильно, забором. Вот если это Малая Никитская, а это Садовое, забором особняк выходит на Садовое, а сам дом, его стена и подвальные окна выходят на Малую Никитскую и Вспольный переулок. Более того, мне удалось побывать в этом доме, это тоже связано с нашей историей.

Давно уже не было Берии, давно уже страна развивалась по другим, так сказать, ритмам. Началась война во Вьетнаме, где мы принимали активное участие, как минимум своими летчиками, своими истребителями. И как в войну гражданскую в Испании, довольно много вьетнамских детей, дабы сохранить их, было вывезено в Советский Союз. Не знаю, где они еще жили, но часть их поселили в Москве, и им отдали, как это назвать, под детский дом этот дом Лаврентия Павловича. Они учились в нашей школе, разного возраста в каждом классе. Это длилось недолго, года два, наверное, может три, не помню сейчас. Но пионерская традиция есть пионерская традиция, какие-то были пионерские сборы в школе, они в них участвовали. А потом они нас приглашали два или три раза на дружеские встречи по пионерской линии [в дом Берии]. Там в подвале была столовая, а на первом этаже — жилые комнаты. Детали дома Лаврентия Павловича я, конечно, не представляю, но это был достаточно скромный домик. Думаю, что наше современное начальство, или нувориши, или киркоровы всякие, живут куда как в более обширных хоромах, строениях и условиях. Кстати, Лаврентий Павлович иногда даже на одной машине ездил, ну, максимум на двух, никогда на трех.

Н.Ф.: Ну да, наверное, он не боялся, потому что все его боялись.

А.А.: Не знаю.

Н.Ф.: Интересно, замечательно просто. А вы были активным пионером, я так понимаю? С вашим темпераментом вы просто не могли быть не активным.

А.А.: И с воспитанием коммунистическим.

Н.Ф.: И с воспитанием.

А.А.: Ну, я как-то всегда очень стеснялся, во мне не было желания быть на людях, желания кем-то, чем-то руководить, кого-то как-то гнобить. Без этого, мне кажется, добротного начальника не получится. Но меня как-то всюду всовывали. Это как с Леонидом Ильичом, которого выдвигали, потому что он никому не был нужен. Знали, что вреда, по крайней мере, от меня не будет. Поэтому, когда пришел в КЮБЗ, я носил три нашивки на рукаве, то есть я был главой пионерской организации своей школы. Официально это называлось «Председатель совета дружины». Это было недолго, с год примерно, в общем, как полагается. Это был седьмой — восьмой класс, я еще не был комсомолец. Я довольно поздно вступил

в комсомол, но три нашивки на рукаве носил. Но, и это уже характеристика КЮБЗа, когда я пришел в КЮБЗ, на это, к счастью, никто не обратил внимания. Отнеслись совершенно нейтрально. О вступлении в КЮБЗ я отдельно расскажу. Это настолько важная и достойная (для рассказа, а для меня значимая) глава моей биографии, что об этом я должен сказать особенно.

Н.Ф.: Я слышал, извините, что Воронцов создал комсомольскую организацию в КЮБЗе, что он хотел (человек был всегда энергичный) быть прикреплен не в школе, поскольку у него там были какие-то тренировки. И он пошел в райком и говорит: «Вот у нас есть инициатива создать...», и для себя сделал комсомольскую организацию в КЮБЗе. Видимо, к этому времени ее там уже не было.

А.А.: Я ничего об этом не слышал.

Н.Ф.: Между вами был довольно большой перерыв.

А.А.: Правда. Но есть люди, которые это хорошо знают, например, Э.В. Ивантер. Об этом можно его спросить.

Н.Ф.: А вы с кем были вместе в КЮБЗе.

А.А.: Коля, так нельзя, вы торопитесь.

Н.Ф.: Хорошо, не буду торопиться.

А.А.: Я вам скажу. Старшее поколение (из моего поколения старшие) — это Расницыны, Алик и Сергей, Миша Мина, Галя Клевезаль, Гена Длусский. Хотя у нас чуть ли не год-два всего-навсего разница.

Н.Ф.: Они раньше пришли туда.

А.А.: Да, во-первых. Во-вторых, они были на класс, на два старше. Леня Баскин на год меня старше, Сыроечковский Евгений Викторович мой сверстник, меня младше на год Женя Матюшкин. Вот это наше поколение, но мы обязательно это обсудим. Это-то все присказка, сказка будет впереди.

Н.Ф.: У вас присказка очень интересная. Вы хотите на этом закончить, потому что в принципе умения-то... Можно еще чаю.

А.А.: Я сейчас соображаю, что еще не рассказал из доКЮБЗовской жизни. Было бы справедливо сказать про мою маму, потому что сверх того, что она имела фундаментальное историческое образование, она была очень образованный и начитанный человек. Мама, Ольга Борисовна Ермолова, когда вторично, уже после войны, в 50-х годах начала работать, работала библиотекарем и запоем читала. Кроме того, она была дочь своего отца и очень любила природу. Даже когда уже мы не снимали никаких дач в Крюкове, а раньше дачи мы всегда снимали в Крюкове, мама почти каждое воскресенье, пока были силы, ездила за город и бродила в лесах в окрестностях Крюкова. Она очень сильно повлияла на мое становление.

Когда мы вернулись из эвакуации, больше всего в Москве меня потрясли на улице Горького рыбные магазины и отчасти витрины Елисеевского магазина. Надо сказать, что сам город меня не подавил. Мы жили в рабочем поселке на окраине Куйбышева при шарикоподшипниковом заводе, в трехэтажном доме красного кирпича казарменного типа, который еще, наверное, со старых времен заводских каких-то сохранился.

Н.Ф.: Кстати, Куйбышев, вообще говоря, это Самара.

А.А.: Во-первых, как я говорил, мы жили в Куйбышеве на окраине, во-вторых, я в основном пребывал в детском саду. Москва, как город, меня не удивила, меня потрясли не прилавки, я был к этому равнодушен. Меня потрясли аквариумы. Там на витринах стояли аквариумы, в них плавали живые рыбы, обычные золотые рыбки. Собственно, до настоящего времени это была мечта всей моей юности, как какая-то звезда. Нечто, меня глубоко поразившее, нечто недостижимое.

В 1946 году родилась сестра. Мы играли во дворе, зимой, когда ей было три, четыре года, таскали ее на санках по сугробам, которые были насыпаны дворниками, очищавшими проезжую часть Малой Никитской. В 47-м году я заболел скарлатиной и оказался в Черной Грязи. Наверное, не случайно, потому что деда еще очень хорошо помнили, он перед самой войной был там врачом. Была зима, и для меня это неким образом рубежный момент, потому что ни в детском саду, ни когда мы вернулись в Москву, я не испытывал чувства голода. Скарлатина, как известно, начинается рвотой, у меня была высокая очень температура, и первые дни я там абсолютно ничего не ел. А в больнице Черной Грязи, когда началось выздоровление, возник дикий голод, и этот голод потом не покидал уже меня. Видимо, это совпало с началом детского и юношеского роста. Голод не покидал меня много лет, и до сих пор я не могу куски хлеба выбрасывать, потому что жили все-таки трудно. Это ощущение голода началось осенью 47-го года, когда я лежал в Черной Грязи со скарлатиной.

Если говорить о моих детских садах, то их было несколько. Я хорошо помню детские сады в Куйбышеве. Там на лето нас вывозили на Волгу. Помню, как мы за Волгу ездили картошку собирать. Завод (шарикоподшипниковый) выделял деляночки, на которых сажали картошку, а потом ездили ее собирать, по осени. Под окнами у нас (у каждой комнаты на первом этаже казармы) тоже что-то сажали. Когда мы вернулись из эвакуации, меня устроили в обычный детский сад. Этот детский сад был расположен в Зоологическом переулке.

Это маленький переулок, который проходит сзади стены зоопарка, соединяет Большую и Малую Грузинскую. В середине Малой Грузинской вы сворачиваете налево, там на горе стоит храм, после войны его занимал техникум связи. Потом дорога (улица) идет под горку, дальше жилые дома, а дальше был пустырь, на котором стояло старинное деревянное двухэтажное здание. Там был мой детский сад. Два или три года я туда ходил. Я прекрасно помню, как нас вывозили на лето, как я бродил по лесам с группой, один раз даже заблудился. Это отдельно можно рассказать. Но Зоологический переулок навсегда засел во мне: этот запах кабанятника, который был за забором, запах лис и бизонов. Кабаны были в этой части старой территории. Во время войны жизнь зоопарка поддерживалась только на старой территории, на новой не было ничего, был только остров зверей. Не знаю, функционировал ли он, но все наружные клетки были пустые, и никто ничего не контролировал.

В детский сад меня водили по диагонали. Пересекали напротив дома Берия Садовое кольцо, которое, слава Богу, было не загружено как теперь, через вход в зоопарк с ватагинскими барельефами шли по тропинке (зимой тропинку натаптывали такие ходоки как я) и выходили к Зоологическому переулку почти напрямую через новую территорию. По территории какие-то наполовину одичавшие лисы бродили, и следы на снегу, и довоенный запах зверей в загонах и в клетках висел в воздухе. В эти мгновения как-то что-то наклеивалось во мне.

Надо сказать, что уже чисто на генетическом уровне помню, как мы выезжали с детским садом на лето в Подмоскowie, где для нас снимали деревенскую избу. Хозяева жили в пристройке, мы в избе, человек двадцать детей. Одна комната, она же столовая и спальня. Нас регулярно водили в лес на прогулку, и однажды я заблудился. Сначала было очень интересно и таинственно. Среди молодых сосен валялись перья. Видимо, какая-то лиса или кто-то заел курицу, и валялись перья. Я стал это расследовать и заблудился. Сосняк невысокий был, и я с громким плачем и криком пошел. Самое главное, что в конце концов я вышел из леса, более того, сориентировался, где нахожусь. Я прошел вдоль всей деревни этим сосняком и вышел с другого ее конца. Мы с одной стороны зашли в лес, а я вышел там, где дорога с другого конца выходит, причем, мы редко там бывали, потому что там жили другие группы. В детском саду несколько возрастных групп было. Мы жили с одного конца деревни, а я вышел с другого. Поскольку мы там однажды бывали, а у меня и тогда была хорошая память пространственная, я вышел на дорогу, вернулся в деревню и в свою группу.

Н.Ф.: Сколько же вам было лет?

А.А.: Это до школы. Шесть, значит. Поверьте, я ничего не придумываю.

Н.Ф.: Я верю, конечно.

А.А.: Потом были экскурсии, например, на Волгу нас водили. По-моему Волга, или другая какая-то большая река. Но это далеко было, несколько километров, серьезный поход. Помню, мы идем, такие все торжественные, с чувством ответственности, подходим к реке, а там пацанва, ребята деревенские, сидят на таких пряслах и как закричат: «Пионеры, пионеры!» Тут уже нас гордость стала распиравать...

Н.Ф.: Вы еще не были пионером?

А.А.: Конечно, нет. Но то, что нас перепутали с пионерами, это было совершенно невероятно. Ну, это все равно, что сержанту по ошибке на полном серьезе сказать «товарищ полковник».

Н.Ф.: Понятно, понятно. Немножко прибавили возраста вам.

А.А.: И возраста, и статуса. Я прекрасно помню озера там, белокрыльник на меня производил сильнейшее впечатление: когда он созревает, красные ягоды с черными точечками по краю черной торфяной воды. Все это так таинственно, и все это в мозгу оседало. Мы собирали мох и делали такие макетики. Лес из мха и ягеля, что-то там еще из пластилина, пластилин тогда была редкость, но все-таки уже был. Грибы, береста, это все меня очень волновало.

На второй сезон приезжаем, а в пристройке сзади, где хозяева жили, (задняя часть в крестьянском хозяйстве «двор» называется), висят шкуры, прибитые к стене, блестит сине-серая мездра, местами небольшие красные пятна — кровоподтеки. И я понял, что это телята прошлогодние. Это меня так сильно потрясло, что я до сих пор все помню. Не то, чтобы я испугался, не то, чтобы я расстроился, но что-то в мозгу произошло: не так прост этот мир, как кажется. Ну, Бог с ним, с детским садом, думаю, этого достаточно.

Н.Ф.: Да, замечательно. И вы в школу пошли.

А.А.: 48-й год. Это было очень важное и интересное время. Мне кажется, по рассказам моей мамы или как это, например, описано в книге «Дневник Кости Рябцева» и других описаниях довоенных школ, после 1917 года «старая школа» была разрушена до основания. Резко и одновременно развалили гимназическое образование в 20-е — 30-е годы. Были введены Дальтон-план, изучение и сдача предметов бригадным методом и другие экспериментальные методики. Позже, в 30-х годах, образовательные эксперименты стали постепенно утихать. Постепенно к началу войны, а тем более после войны стали возрождать образовательную систему средней школы. Думаю, что это в значительной мере была инициатива со стороны каких-то умных людей (возможно, Иосиф Виссарионович сам внес в это лепту), попытка вернуть образование гимназического типа. Во-первых, разделили мальчиков и девочек по разным школам. Во-вторых, позднее ввели форму гимназического типа. В-третьих, были учебники, которые современные наивные педагоги хотели бы или надеются вернуть. Вроде учебников Киселёва, Ларичева и других. С первого класса и, по крайней мере, до седьмого мы учились в стабильной, гимназического типа школе. Это была не гимназии, конечно, но процесс был организован с попыткой подражания.

Н.Ф.: Понимаю, да-да, я немножко тоже застал.

А.А.: В этом смысле нашему поколению повезло, хотя тут нет нашей заслуги, это заслуга старшего поколения. Но нам, конечно, крупно повезло. А где-то начиная с седьмого класса, начались опять всякие пертурбации. Во всяком случае, я был отдан в семилетку (тогда это было обычно в Москве), в школу, которая была у самых Никитских Ворот. В торце бульвара (на Бульварном кольце) стоит памятник Тимирязеву, он и теперь там. Справа новое здание ТАСС, а тогда был гастроном двухэтажный московский, а слева было здание в стиле классицизма, двухэтажное, где была, я почти уверен, до революции гимназия, а потом средняя школа № 132.

Но дело не в положении здания и не в том, что школа семилетка. Главное в том, что там были старые порядки. Директором школы был сухопарый мужчина Константин Петрович, который всегда ходил в безукоризненно начищенных ботинках и черном костюме с галстуком, правда, не с бабочкой. Каждое

утро школьники собирались в аудиенц-зале, где во время перемен мы должны были парами дефилировать, а по утрам выстраивались. Правда, гимна мы не пели. Но утром все классы выстраивались, выходил директор, нас обзирал, иногда давались какие-либо указания на день, а чаще просто учителя проверяли. Я сейчас детали не помню, но помню эти выстроенные двумя рядами классы, а потом друг за другом классы идут в свои кабинеты. В здании были занятия и на первом этаже, и на втором, и на третьем, значит, расходились по этажам и начинались занятия. И это, я думаю, необычайно важно. Я до сих пор не могу сидеть, если приходится с кем-нибудь разговаривать. Да, Константин Петрович нас буквально дрессировал, как, например, здороваться со старшими: не доходя трех шагов надо остановиться, руки по швам и наклонить голову. Если учитель входит в класс, все встают, и прочее, и прочее, и прочее. То есть буквально каждый шаг поведения оттачивали.

Н.Ф.: Константин Петрович — это директор?

А.А.: Директор этой школы. Но не хотелось бы и идеализировать, потому что учились в две смены. Начиная чуть ли не со второго класса, мы приходили к часу или к двум, и уходили, конечно, после шести, семи часов вечера, а зимой в пять часов уже темнеет, и мы брели по этой темноте. За время учебы в школе № 132 я только в первом классе учился в первую смену, а все остальные годы — во вторую смену, и это было довольно тяжело. Может, второй еще класс в первую смену. Дальше все уже было во вторую смену.

Учился я довольно плохо в начальной школе. Надо было палочки какие-то выстругивать, я плоховато писал, всегда писал не слишком грамотно, хотя много читал. У меня была плохая память, наверное. Но надо сказать, что лучик надежды блеснул в четвертом классе, когда к нам пришла такая Клавдия Васильевна, преподававшая в старших классах, в шестом и в седьмом. Когда один раз нас случайно в смену семиклассников поставили, и я увидел уже мужчин, уже усики. Они как-то себя солидно вели. Я даже думаю, те семиклассники (а после седьмого класса уже шли люди в техникум) начинали какую-то другую жизнь. Но все равно, нас, третьеклассников, это совершенно потрясло: такие взрослые люди семиклассники и с нами учатся.

Н.Ф.: И к вам пришла учительница из старших классов?

А.А.: Да, Клавдия Васильевна. Ей, видимо, было скучно, она замещала нашу учительницу и стала нам излагать смысл числовых осей. Я был потрясен, насколько это было интересно. Причем, у меня это было, видимо, на лице написано, потому что она даже как-то это озвучила: «Видно, Саше это очень интересно». Что-то такое. Я тогда понял впервые, что, в общем, не все так грустно в этом мире (я имею в виду школу). Конечно же, я довольно много читал, как и всё мое поколение.

Еще один важный этап школьной жизни. Как-то мама меня так сориентировала, и я стал ездить заниматься в Ленинскую библиотеку. Был замечательный детский зал, он как раз выходил на улицу Знаменка.

Н.Ф.: Напротив Ленинской он был?

А.А.: Нет-нет, это было правое крыло Воронцовского дворца. Это здание принадлежало этому дворцу.

Н.Ф.: Пашков дом вы имеете в виду?

А.А.: Да-да, дальние залы, где я начинал, детские, до четвертого класса. Они просто были элементом архитектуры дома Пашкова, а к ним, видимо, позднее была пристроена уже более современная конструкция с железными лестницами. Там были абонементы, начиная с пятого до десятого классов: пятый — шестой, по моему, потом седьмой и восьмой и девятый — десятый, так учебники выдавались. Я туда ездил и, признаюсь, довольно часто, приехав, брал что-нибудь для души, а не только учебники. Помню точно, что я занимался в зале для первых — четвертых классов. Конечно, это был не первый класс и не второй, но третий — четвертый точно. [И вплоть до десятого класса.]

Дело в том, что восьмой троллейбус останавливался у Скарятнинского переулка и прямо ехал к библиотеке Ленина. Я у метро выходил, шел немного вверх и там погружался в книги. Уже никто надо

мною не висел: ребята со двора не кричали, и мама меня не пилила, и можно было взять любимую какую-нибудь книжку и читать. Что было любимыми книжками: сначала детские, недолго Гайдар, что-нибудь такое. Потом, конечно, я зачитывался прежде всего Жюль Верном. Прочитал всего. Потом Фенимора Купера, потом Майн Рида, потом Константина Толстого, ну, а кончилось это уже Львом Николаевичем, даже «Войной и миром», Рабле и другими. В общем, я очень благодарен Библиотеке Ленина.

Там была изумительная атмосфера, там было очень здорово. Чем дальше, тем лучше я учился, было больше физики, математики, биологии, таких реальных наук. Никогда не мог победить себя и писать сочинения. И теперь, в общем, пишу неохотно. Хотя подготовка научных статей доставляет определенное удовольствие. Ну, и собственно, биографию хотел бы когда-нибудь написать. Но в школе это для меня было самое мучительное, и, пожалуй, с трудом давались языки: и русский, и немецкий. Правда, теперь я немецкий очень люблю, хотя и не владею им в совершенстве. И определенное удовольствие мне, безусловно, доставляет чтение по-английски и по-немецки. Это как игра в шахматы для меня. Помимо того, что это получение информации, это удовольствие: вот ты в чужой язык и даже в чужие мысли проникаешь.

Давайте сейчас кончим, я чувствую, что вас утомил, вы уже дремлете.

Н.Ф.: Нет, я не дремлю, просто задумался немножечко о своем.

А.А.: Мы дошли до вступления в КЮБЗ и начнем его со свежими силами.

Н.Ф.: Да, да. Вы замечательно рассказываете, Александр Карэнович, вы просто меня покорили своей красочной образностью, насыщенностью образами.

А.А.: Просто образы яркие.

Н.Ф.: Да, но не всякому дано умение рассказать.

А.А.: Ну, не знаю, может быть. Тогда еще одну фразу.

Н.Ф.: Давайте-давайте.

А.А.: С этим углом Малой Никитской, там, где жил Лаврентий Павлович Берия, меня вторично судьба уже свела после 65-го года, когда я уже начал работать на кафедре палеогеографии МГУ и заниматься палеонтологией, четвертичной биостратиграфией и геологией. Оказалось, что в соседнем доме, наискосок от дома Лаврентия Павловича и в конце Гранатного переулка на углу живет крупный, интересный геолог. Она жива и до сих пор, Юлия Ивановна Иосифова. Она работала в Геологическом управлении центральных районов, пока его (управление) не разогнали. И в моей монографии, в моей диссертации, значительная часть материалов была собрана в рамках геологической съемки этого управления.

Я очень многим обязан людям, геологам Геологического управления центральных районов. Например, Роберту Валентиновичу Красненкову, который, кстати, жил на улице Алексея Толстого почти напротив приемной Молотова. Интересный такой дом, наверху которого — скульптура льва, побеждающего дракона. А здесь на углу жила Юлия Ивановна Иосифова, то есть мы всю жизнь прожили рядом, но друг друга не знали до 1967 года. В этом доме тоже было понарезано по горизонтали и по вертикали комнат-клетушек. В одной из них жила Юлия Ивановна с мужем и двумя дочерьми.

Н.Ф.: Это еще одна связь с районом.

А.А.: Тут есть один нюанс: Юлия Ивановна прямая внучка Менжинского. То есть, по-видимому, весь этот угол еще со времен Феликса Эдмундовича Дзержинского был оккупирован весьма специфическими насельниками. Так что, и Лаврентий Павлович там оказался не случайно, и, конечно, прямая внучка Менжинского.

Н.Ф.: Интересно.

А.А.: Это тоже дом настоящего классического модерна, только он значительно скромнее. Он вообще

полуторазэтажный, как тот, в котором жил Горький. Правда, этот модерн почти нельзя было увидеть в 50-е — 60-е годы. Когда уже всех оттуда выселили, дом отремонтировали, почистили медные ручки, вставили фигурные стекла, провели полную реставрацию, тогда стало понятно, что это интересный дом.

Н.Ф.: Что же это за дом?

А.А.: Прямо на углу Гранатного и Вспольного переулков. Тут вот зады Дома звукозаписи, параллельно Садовому кольцу идет Вспольный переулок, на противоположной стороне дом Бери, а напротив, наискосок — дом Ю.И. Иосифовой, внучки Менжинского.

Н.Ф.: Замечательно, давайте на этом закончим. Очень-очень интересный и необычайно живой у вас рассказ. Спасибо большое.

Текст авторизован А.К. Агаджаняном.

Фотографии из архива А.К. Агаджаняна.